

Гармония

АНДРЕЙ ЕЩЕРОВ * КНИГА ТЕПЛОЙ ВОДЫ

Андрей Егоров

Книга темной воды (сборник)

«Автор»

Егоров А. И.

Книга темной воды (сборник) / А. И. Егоров — «Автор»,

Сборник рассказов харизматичного московского фантаста Андрея Егорова по праву может считаться значительной вехой в творчестве автора.

Произведения, вошедшие в эту книгу, ярко выделяются из общего фона современной фантастической прозы малой формы. Каждый текст отличается не только оригинальной идеей, но и неординарным сюжетом, хорошим языком, стройным повествованием и тонким юмором. Определенно, чтение рассказов Егорова доставит массу удовольствия литературным гурманам.

© Егоров А. И.

© Автор

Содержание

Ловушка для женоненавистника	5
Вирус очищения	12
Троица	17
Ячейка	39
Отповедь социопата	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Егоров

Книга темной воды

Ловушка для женоненавистника

Рейс не задался с самого начала. Вместо ретусианских жабок на борт отгрузили жучков-кордова для аборигенов с Терры Блю. Затем оплошность, конечно, заметили и стали устранять, но график полетов оказался сорван. Да еще в сопровождение груза мне навязали существо, обладающее дикой нечеловеческой логикой. Я довольно долго упирался, не желая брать его в рейс, но в контракте имелся специальный пункт по этому поводу, к тому же, клиент обещал отвалить за доставку груза кругленькую сумму, и я решил, что ради такого основательного куша можно немного потерпеть адское создание на борту.

Финансовая ситуация на тот момент у меня складывалась не самая лучшая – пара банковских служащих, отвечающих за возвращение кредитов, оборвали мне телефон. Что делать, приходилось от них скрываться. А хозяин квартиры, которую я снимал на Терра Ред, объявил, что если не погашу долг за три месяца, в мои апартаменты въедет семейство бобровых с Таттера-8. Унылая перспектива – соседствовать с бобровыми. Мало того, что эти твари разговорчивые, как ведущий утреннего телешоу, так еще и пахнут морскими свинками.

Антипатию к алогичному существу я ощутил сразу, как только его увидел. Оно шло к трапу корабля по космодромным плитам той особой походочкой, которая отличает самых лютых представителей этого ущербного биологического вида – покачивая утолщением в нижней части туловища, оно почти плыло мне навстречу. При этом одна из верхних конечностей существа упиралась в бок, в другой оно держало тонкую сигарету. Из обведенного красным отверстия над лысым подбородком тянулся белый дымок. Оно приблизилось, разглядывая меня зеленоватыми реснитчатыми глазами.

– Капитан Зубов?

– Он самый! – боюсь, мой голос прозвучал неприветливо. Но существо столь холодный прием не смутил. Оно представилось и потянуло к моему лицу одну из конечностей. Я брезгливо сморщился, пожал суставчатый кончик с ороговевшими пластинками лилового цвета. От взгляда существа не укрылась моя гримаса.

– Вы не хотите братья за этот заказ?

– Почему же. Нормальный заказ, – пробурчал я.

– А не боитесь?

– Пирата что ли?!

Последнее время в Системе Серны, куда нам надлежало лететь, было неспокойно. Ходили слухи о появлении нового, весьма удачливого космического пирата. Действовал он оригинально. Его банда не брала грузовики на абордаж – тогда бы в космосе нашли обломки обшивки, поврежденной при взрывах, нет, корабли просто пропадали в этом секторе один за другим. А тела дальнобойщиков, сброшенные с кораблей через мусоропровод, болтались в космосе, ожидая прибытия полиции.

Я подумал пару секунд. Отчего-то не хотелось говорить, что на этот опасный рейс меня толкнули скорбные финансовые обстоятельства.

– Я ничего не боюсь! – сказал я, прозвучало патетично.

– Вот вы какой?! – оно улыбнулось, продемонстрировав безупречные белые зубы.

– Какой?

– Храбрый!

– Слушайте, – поведение существа начинало меня раздражать, – откровенно говоря, если бы не этот проклятый контракт, вас никогда не было бы на «Одиноком волке».

– Вы так похожи на моего любимого дедушку, когда злитесь, – сообщило оно, чем привело меня в смятение.

– Ладно, – проворчал я, – поднимайтесь. И помните, если вам захочется что-то сказать, сначала хорошенько подумайте.

– Непременно воспользуюсь вашим советом. Кстати, по выражению вашего лица заметно, как тяжело вам дается обдумывание каждого слова.

– Угу! – я кивнул, не найдя достойного ответа и оттого ощутив серьезное раздражение. Если так дальше пойдет, этот рейс станет невыносимым испытанием.

Увы, моим прогнозам суждено было оправдаться.

Первое, что сделало существо, ступив на борт «Одинокого волка», объявило, что на таких грязных корытах летать ему еще не приходилось. И что неплохо было бы прибраться в кают-компании, потому что валяющиеся повсюду пивные бутылки и консервные банки – «это жуткий моветон». От этих самых банок и бутылок в помещении, видите ли, «плохой фэншуй», а это в свою очередь может повлиять на работоспособность экипажа.

Признаться, я был поражен до глубины души этим нелогичным замечанием. Во-первых, экипаж на корабле представлял я один. Во-вторых, я наивно полагал, что моя работоспособность напрямую зависит от того, сколько именно я выпил накануне. Чем больше выпил – тем лучше работается. Благодаря моей предусмотрительности, запасов спиртного обычно хватало на то, чтобы мой трудоголизм поддерживался на должном уровне – не слишком высоком, но и не слишком низком. Ровно таком, чтобы груз был доставлен по назначению вовремя, и я не сошел с ума от одиночества.

Мои священные запасы существо осмотрело критическим взглядом, в котором читалось осуждение, и сообщило, что алкоголь может повредить нашему общему делу, и от его употребления мне стоит отказаться, просто потому, что всякий пьющий астронавт – скотина.

Хотя я дал себе зарок не вступать в диспуты с этим алогичным созданием, тут я не выдержал, и сообщил, что это высказывание отдает идиотизмом, потому что даже великий Ййон Громкий никогда не выходил в рейс, не взяв на борт пару ящичков крепленого муската. Ответ последовал незамедлительно и утвердил меня в мысли, что всякий диспут немедленно зайдет в тупик. Ибо здравомыслящий человек не может общаться на равных с существом, обладающим нечеловеческой логикой. Ййон Громкий, по мнению существа, пил оттого, что его некому было наставить на путь истинный и указать ему, какая он, в сущности, грязная скотина. Мне же, якобы, крупно повезло, потому что теперь на борту есть оно, и оно научит меня, как должен вести дела и выглядеть настоящий капитан межзвездного судна.

Повезло?! Как бы не так! Если бы обязательным условием получения контракта не являлось наличие на борту этого существа, я бы все сделал, чтобы никогда его не встретить. От подобных созданий вообще лучше держаться подальше. Что я с успехом и проделывал большую часть жизни.

Еще оно сообщило, что если я буду поглощать в таких количествах питательные консервы и алкоголь, и откажусь от пополнения запасов свежих овощей и фруктов, то у меня будет «неправильный цвет лица».

– Какой именно?! – переспросил я. В ответ оно пожало плечами и посоветовало почаще смотреться в зеркало.

Кстати, в каютах «Одинокого волка» нет зеркал. Такова конструктивная особенность моего корабля. Оно объявило, что если астронавт не смотрится в зеркало, то чувствует себя несчастным и склонен к суициду. Оно так и сказало: «Нет зеркала?! Я отказываюсь жить!»

– Позвольте, – не выдержал я подобного фарса, – как может зеркало повлиять на настроение кого-либо из членов экипажа? Это же бред сивой кобылы!

Оказалось, что «мне этого не понять» просто потому, что меня угораздило родиться «сивым меринном».

Посетив рубку управления, оно объявило, что мы не дотянем даже до Проксимы Центавра, если стены не перекрасить в голубые и розовые тона. Поскольку к тому времени я уже понял, с кем имею дело, и был морально готов к подобным заявлениями, все, что я сделал – разразился демоническим смехом и принялся набивать трубку.

Оно обиделось и сообщило, что если я не буду принимать его слова всерьез, на меня и мой корабль обрушатся всевозможные беды, жизнь моя будет похожа на ад, и я обрадуюсь до чертиков, когда она все же прервется. Когда существо наконец завершило длинную, исполненную негодования тираду, я как раз закончил набивать трубку и с наслаждением ее раскурил. Наверное, не стоит даже упоминать, что сердитое донельзя существо ответом я не удостоил.

К моему удивлению, до Проксимы Центавра мы действительно не дотянули. Залетный астероид врезался в корабль и лишил наши топливные баки герметичности, после чего горючее красиво расплескалось на фоне млечного пути. А мы остались болтаться в шаровом скоплении Змееносца, ожидая ремонтника.

Оно сидело в кресле с торжествующим видом, мол – я же говорило, что все будет именно так, и подпиливало ороговевшие части верхних конечностей. Мерзкий звук «вжик, вжик» раздражал мою нервную систему, как робота-погрузчика отсутствие машинного масла в шарнирах. Вжик, вжик – прямо по оголенным нервам.

– Тише! – заорал я.

– И не подумаю! – ответило существо.

– Да тише же! Вы не слышите никакого странного звука?

– Нет.

– А я слышу. Что-то происходит.

– Может, тот самый легендарный пират пожаловал?! – Оно мерзко захохотало. – Неужели вы боитесь, капитан?

– Если я чего-то и боюсь, то не пиратов, а нашего груза, – отозвался я. Звук вдруг сделался намного отчетливее. Так, что даже существо услышало – за стенкой происходит что-то нехорошее.

И ведь было от чего разволноваться. Ретусианские жабки представляют серьезную опасность для человека. Подобно другим рептилиями-кровососам, они прилепляются к жертве ртом-присоской и запускают острое жало языка под кожу. Охотятся стаями. Кровь пьют литрами. Небольшая стайка ретусианских жабок голов в двадцать-двадцать пять способна загрызть слона.

Поэтому хорошо различимое поскребывание вызвало у меня нечто похожее на приступ паники. Я кинулся к обзорным камерам, чтобы проверить, как чувствует себя груз. Опасения мои немедленно подтвердились. Ретусианские жабки, по какой-то неведомой причине, вышли из анабиоза и просочились через проделанную ими дыру в переборке в коридор. Зубки жабок не приспособлены к тому, чтобы прогрызть внешнюю обшивку, но превратить все внутренности корабля в дырявый дуршлаг им вполне по силам. Я уж не говорю о системах жизнеобеспечения. Если они выйдут из строя, нам останется только писать завещание и заказывать по каналам ритуальной связи траурный саван. Мне лично нравится из черного бархата. Но умирать я пока не собирался.

Первой моей мыслью было добраться до оружейного отсека, взять огнемёт и выжечь заразу. Сердце защемило, когда я представил, как будет выглядеть мой корабль после первого же залпа. Но другого выхода нет. Придется поджарить паразитов!

Тут я почувствовал, что алогичное существо стоит у меня за спиной. Все то время, пока я размышлял как прищучить жабок, оно из-за плеча смотрело на мониторы. Должен признаться,

пахло оно приятно, от него исходил нежный, одурманивающий аромат. Чтобы не поддаваться чарам, я пробасил хрипло:

– Все из-за вас!

– Из-за меня?! – возмутилось оно. – Нет, нет и нет. Мы попали в такую глупую ситуацию только потому, что вы меня совсем не слушали.

– Ну, разумеется, – ответил я. – Вы, должно быть, уверены, что если бы я вас слушал, мы бы уже доставили груз к месту назначения?

– Безусловно.

– Что ж, – я вздохнул. Простая человеческая логика подобным существам неведома. – Полагаю, все наши разногласия перед лицом смерти выглядят глупо. Мы должны объединить усилия и действовать так, как я вам скажу. Только тогда мы сможем выжить. Вам ясно?!

– И что же вы планируете предпринять, капитан?

Я смерил существо пытливым взглядом. Судя по ироничному тону, оно что-то задумало.

– Только не начинайте, – попросил я.

Оно фыркнуло:

– Я и не начинаю. Так что вы планируете предпринять?

– Воспользуюсь огнеметом, – я посмотрел на существо оценивающе – тоненькие ручки и ножки, непредсказуемое поведение, неустойчивая психика. – Не знаю, можно ли доверить вам оружие?

– Полагаю, мы обойдемся без этих ужасных штук, – объявило оно.

– Ну вот, начинается, – горестно заметил я, – я же просил. Очень просил.

– Послушайте, меня не просто так направили сопровождать груз...

– Разумеется, не просто так, а чтобы окончательно свести меня с ума.

– Не беспокойтесь. Безумие – удел тонкой личности, такого толстокожего типа, как вы, оно никогда не коснется, – отрезало существо, – так вот. Ретусианские жабки – не простые хищники. В отличие от вас, это тонко чувствующие, очень эмоциональные создания.

– Вот оно что, поня-а-атно... – В принципе, я уже решил, как буду действовать. Запру существо в его каюте, а сам доберусь до оружейного отсека. Только бы пробраться туда незамеченным. Кровососы нападают стаями, передают мысленные сигналы. Если хотя бы один меня заметит – все, пиши пропало, спекся капитан Зубов.

– Ничего вам не понятно, – отрезало существо, – послушайте, мне приходилось работать в венерианском цирке дрессировщиком кровососущих рептилий. Вам это о чем-нибудь говорит?.. Я могу решить нашу проблему. Но без вашей помощи мне не справиться.

– И как же вы планируете решить нашу проблему?! Заставить жабок прыгать через горящий обруч, или что-нибудь в этом духе?

– Нет, – торжественно объявило оно. – Я буду излучать ауру любви, а вы собирать их и складывать в мешок.

Я уставился на существо. Мне послышалось или оно и вправду собирается излучать какую-то там ауру?! Оно, не мигая, смотрело на меня зеленоватыми реснитчатыми глазами, и я убедился, что не ослышался, существо говорило абсолютно серьезно. Нет, я, конечно, предполагал, что имею дело с лишенным простой человеческой логики созданием, но даже представить не мог, что оно способно на откровенное безумие.

– Сначала я попробую пробиться к огнемету! – буркнул я. – А потом делайте, что хотите.

– Вас съедят, – грустно заключило существо.

– Не съедят! Я возьму с собой вот это. – Я сунул руку под кресло, немного пошарил там и извлек на свет магнитный разводной ключ. Большая, тяжелая железяка, способная регулировать рычаги пульта управления и закручивать гайки тормозных систем.

– Как с вами тяжело, – проговорило существо.

– С вами не легче! – парировал я.

- Я буду ждать вас в рубке.
- Прекрасно...

Главный коридор я миновал без происшествий, но стоило свернуть в ответвление, ведущее к оружейной, начались неприятности. Громкий свист вывел меня из равновесия. Ретузианская жабка созывала сородичей, с озорным видом качаясь под потолком. Я погрозил ей ключом, размышляя, не дать ли стервозной рептилии по башке, но тут послышался топот множество лапок, и я узрел целую толпу спешащих ко мне кровососов. Они тянули полные губки – им не терпелось впиться смертельным поцелуем в капитанское тело. Я развернулся и поспешил обратно.

Существо в рубке управления мое позорное бегство встретило победоносной улыбкой. Безумному созданию казалось, что оно в очередной раз одержало победу над капитаном Зубовым. Я с трудом сдержал рвущиеся наружу грязные ругательства.

– Итак, капитан, как насчет реализации моего плана? – поинтересовалось оно.

– Не терпится совершить самоубийство? – пробурчал я. – Я вот подумываю о том, чтобы отсидеться здесь, дожидаться ремонтника. Кто знает, может они не посягнут на системы жизнеобеспечения...

– Взгляните сюда, – существо нажало кнопку на пульте, включив одну из обзорных камер, и я увидел, что отсек с кислородными генераторами весь кишит ретузианскими жабами. Парочка рептилий забралась на мерно гудящий компрессор и пробует его на зуб.

– Проклятье! – высказал я свое отношение к происходящему.

– Медлить нельзя.

– Я и сам вижу, что нельзя!

– Ваш мешок, – она вручила мне громадный пакет для промышленного мусора. – Ваша перчатка. – В руки мне переключала левая перчатка от скафандра.

– Могут куснуть? – с пониманием заметил я.

– Нет, это чтобы вы не испортили их шкурки.

– Замечательно, – выдавил я. – Кто бы позаботился о моей.

– Между прочим, мы оба отвечаем за сохранность груза.

– В обстоятельствах форс-мажора все покрывает страховка, – возразил я. – А сейчас как раз такие обстоятельства.

– Это неважно, – с присущей ему странной логикой заметило существо.

– Действительно, – пожал я плечами, – какое это имеет значение, если скоро нам нечем будет дышать.

– Идемте, – оно нажало на кнопку. Створка двери ушла в стену, обнажив опасный коридор. Оно первым шагнуло за порог. Следом за ним – я, сжимая в левой руке пакет, а в правой разводной ключ – на всякий случай. Если любовь не на всех действует, то уж грубую физическую силу понимает каждый. Не успели мы сделать и пары шагов, как послышался пронзительный свист – нас заметило сразу несколько хищных жабок.

Нам конец, понял я, вот и все.

Что такое тридцать пять лет? С одной стороны – совсем мало. С другой, я столько всего успел сделать. Обзавелся собственным кораблем, точнее – почти выплатил за него по кредиту. Приобрел в цивилизованном космосе репутацию лучшего перевозчика грузов и отменного негодяя. Правда, дерево так и не вырастил. Сына не посадил... То есть, тьфу ты. Все, конечно, наоборот...

Они ринулись на нас одновременно со всех сторон. Я закричал, поднял над головой разводной ключ. И в этот момент что-то произошло. Жабки вдруг посыпались со стен и замерли на полу, впав в странное оцепенение. Кровососущие рептилии напоминали теперь множество игрушечных монстров, какие в изобилии продаются в любом детском магазине по всей галактике.

тике. Глазки у них сделались мутновато-стеклянными, лапки с присосками торчали сухими веточками. Из сложенных трубочкой губок высунулись напряженные розовые язычки.

– Ну, что вы стоите? – прошептало существо, глянув на меня сердито. – Скорее, собирайте их.

– Как это... – признаться, я настолько обалдел от увиденного, что так и застыл, с занесенным над головой разводным ключом, напрочь забыв о своей миссии. – Ах да, сейчас! – Я бросил бесполезное орудие на пол и принялся поспешно засовывать маленьких монстров в мешок. Они и не думали сопротивляться. Только постанывали едва слышно, пока я укладывал их в хаотичном порядке, да шевелили розовыми язычками.

Через полчаса все было кончено. Мы полностью очистили корабль от хищных рептилий. Я выяснил причину поломки. Оказалось, что из-за замыкания цепи часть энергии перекинулась с систем обеспечения сохранности груза на освещение уборной – там перегорели все лампы, и царил кромешный мрак. Я устранил неисправность за десять минут. И погрузил жабок обратно – в анабиоз. Сразу стало спокойнее на душе. Я вернулся в рубку управления с твердым убеждением, что теперь точно буду жить дольше любого земного долгожителя – нужно только дождаться корабля-ремонтника.

Ремонтник прилетел через пару часов, залатал дыры в баках, залил горючего на кругленькую сумму. Остатки моего рублевого счета перекочевали в карман предприимчивой фирмы по спасению незадачливых астронавтов. Единственное, на что я надеялся – расходы отобьет страховка.

Зато мы продолжили рейс на полностью исправном «Одиноком волке».

После смены дизайна рубки управления здесь стало намного уютнее. Голубые наклонные полосы на розовом фоне. Существо понравилось.

Я обернулся, посмотрел на него. Оно снова трудилось над ороговевшими...

...ноготками. Затем она глянула на меня. И я ощутил, что от нее исходят ясные чувственные волны. И как я раньше не замечал, что она настолько прекрасна!

– Почему вы такой женоненавистник, капитан Зубов? – поинтересовалась она с загадочной полуулыбкой.

– Не знаю, – пробормотал я, крайне смущенный, зашарил вокруг в поисках трубки и вспомнил, что бросил курить по причине того, что ее сильно раздражал табачный дым. – От женщин одни проблемы. А от проблем, я слышал, лысеют.

– У вас такая восхитительная лысинка.

– Что?!

– Восхитительная лысинка, я сказала. Еще мне нравится ваша клочковатая борода и усы. Вы – настоящий космический волк, капитан. Неужели ни одна женщина вам этого не говорила?

– М-м-м, – я промычал нечто нечленораздельное. Сердце забилось учащенно.

– Может, вы согласитесь потанцевать со мной?

– Что?!

– В кают-компани я нашла замечательную запись. Вы же не откажете даме, капитан?

– Н-ну...

– Вот и прекрасно, – она схватила меня под локоть и повела в кают-компанию. От нее исходил пряный, пьянящий аромат духов. Ноги мои шли против воли, с глазами случилось что-то странное – я, может, и желал отвести от нее взгляд, но не мог. В ее улыбке мне вдруг почудился оскал хищника, и я сдался – все, пропал капитан Зубов, противиться ее власти я не в силах, пусть прожует меня и проглотит, я согласен на все...

Через некоторое время на меня напал паралич. Но я ощущал всем своим естеством, как оно меня любит. Продолжая излучать звериную чувственность, существо накинуло мне на голову мешок, обмотало веревкой, и потащило к мусоробросу.

Вирус очищения

Прилетевшая спасать нас бригада медиков сразу же показалась мне очень странной. На Глук доктора прибыли на старом корыте, иссеченном метеоритными дождями и выжженным плотными слоями атмосферы. А я-то, глупец, наивно полагал, что медицинские бригады перемещаются по космосу в полных комфорта белоснежных термоустойчивых катерах с красными крестами на дверях и огненной мигалкой на крыше.

Медиков было двое – один коренастый с бычьей шеей и выпяченной нижней челюстью. Другой тощий, лысоватый, с пучком редких волос на макушке, маленькие черные глазки так и бегали, словно он что-то потерял. Халаты докторов тоже чистотой не отличались – сероватые, пыльные, все в темных пятнах копоти и машинного масла. Ну, прямо парочка механиков, а не бригада опытных медиков, готовых явиться по первому зову пострадавших.

Мы с коллегой Малининым вышли экипажу «скорой» навстречу. Я приветливо улыбнулся, протянул руку, и тощий доктор, продолжая обшаривать все вокруг жадным взглядом, торопливо ее пожал.

– Здравствуйте, господа, – сказал коллега Малинин.

– Мы рады приветствовать вас на нашей рудной базе, – полным радушия голосом проговорил я.

– Здрате, – буркнул медик, – где больные?

Я замялся.

– Видите ли, уважаемые доктора, больных у нас нет.

– Чё, все померли?

Это замечание показалось мне исключительно бестактным, но я отнес его на счет общеизвестного цинизма врачей, вздохнул и ответил:

– Вирус убивает сразу!

– Как?! – опешил медик. Лицо у него сделалось испуганным. Наблюдение это меня поразило. Надо же, я снова ошибся. Я-то по простоте душевной полагал, что врачи ничего не боятся. И готовы броситься на любую хворь, вооруженные лишь шприцем и скальпелем. Это я визуальный ряд известной телерекламы цитирую – ее на нашей базе частенько прокручивали, пока телецентр еще функционировал.

– Может, того?.. – буркнул коренастый медик. Очевидно, известие о том, что вирус убивает сразу, ему тоже не понравилось.

– Мозги включи. Топлива даже на взлет не хватит.

– Е-мое. Так и знал, что это паршивая затея.

– Пасть закрой. Кто тут главный?!

– А разве вы не посмотрите на вирус, не сделаете пробы воздуха? – вмешался в перепалку коллега Малинин.

– Да, – поддержал я, – кто знает, господа, возможно, этот вирус давно известен науке? В таком случае, вам не составит труда его уничтожить.

Тощий уставился на меня так, словно увидел впервые.

– Я туда не сунусь! – замотал головой доктор с бычьей шеей.

– Еще как сунешься! – возразил тощий и поинтересовался хмуро: – На базе еще кто-нибудь есть?

– Всех поразили вирус, – с грустью в голосе поведал я. – Мы с коллегой Малининым были в рудном тоннеле, а когда выбрались на поверхность, он уже разбушевался.

– Вирус? Разбушевался?

– Он уничтожает все живое, – подтвердил я.

– И неживое, – уточнил коллега Малинин. – На время.

Повисла пауза. На лице главного медика – так он сам себя отрекомендовал, и я сразу понял, что это очень солидный и знающий специалист – отразились тяжелые раздумья. Затем он проговорил:

– Показывайте ваш вирус. Только вы пойдете впереди. Мы чуть сзади. На всякий случай...

Мы с коллегой Малининым неразлучные друзья. Когда его только привезли на базу, он почти не говорил, а когда говорил, сильно заикался – как потом выяснилось, путал гласные с согласными. На базе он оттаял душой, все больше раскрывался как личность. А когда, наконец, заговорил связно после очередной порции мрака, выяснилось, что это интеллигентнейший человек, большой любитель Кафки и Мольера, доведенный до отчаяния людской злобой и непониманием. И я в очередной раз понял, что даже в увечном рассудке может скрываться красота...

Пока мы шли по пустым коридорам базы, главный медик все время расспрашивал, где мы держим торийную руду, много ли у нас ее, хорошо ли работает автопогрузчик в стыковочном отсеке. Я охотно отвечал на вопросы. А коллега Малинин делился с врачами техническими сведениями о том, какова мощность автопогрузчика, на каком заводе сконструирован наш агрегат и даже, в каком году началось массовое производство подобных моделей.

Меня всегда поражала энциклопедичность знаний моего друга. В отличие от коллеги Малинина, я не мог запомнить самые простые вещи. До прибытия на базу, к примеру, все время забывал, в каком году родился. Помнил только число и поэтому день рождения отмечал каждый месяц. С одной стороны это хорошо и даже очень здорово, но с другой – к моменту прибытия на базу мне, по моим подсчетам, сравнялось триста пятьдесят шесть, а это для работника рудной добычи слишком много. Пришлось в анкете скинуть двести шестьдесят шесть. Получилось ровно девяносто. Мой работодатель не возражал. Даже напротив – очень смеялся и сказал, что я замечательно выгляжу для своих лет...

По стенам расползалась медлительная серость, тянула щупальца, вяло превращала камень в истонченную временем труху. А дальше разливалась одна только черная пустота – там, где, по идее, должно было находиться продолжение коридора, но не было ничего. Из темного провала тянуло мертвенной сыростью.

Увиденное навевало на неподготовленный разум такую стойкую жуть, что всякому человеку хотелось немедленно развернуться и бежать без оглядки. Только куда бежать – маленькую базу торийных старателей бездна поглотила почти полностью. Позади осталось несколько складских помещений, стыковочная площадка, лента автопогрузчика и рудный тоннель, где мы обычно трудились с коллегой Малининым.

Медики стояли и заморожено наблюдали, как лампа дневного освещения на потолке покрылась похожим на изморозь налетом и начала стремительно тускнеть. Как будто тлеющий в ней огонек жизни душила серая мгла.

Знаю почти наверняка, что они думали в этот момент: «То же будет и с нами».

– Это что такое? – проговорил медик с бычьей шеей.

– Мы полагаем, уважаемые господа, что это вирус, – с тех пор, как начал говорить, Малинин всегда отличался изысканной вежливостью.

– Спасибо, коллега, – поддержал я его. – Вирус, пожирающий все живое.

– И неживое. – Уточнил Малинин.

– Спасибо, коллега.

– Не за что, коллега.

– Какой же это вирус?! Это не вирус. Это трендец.

– Я бы не был столь категоричен, – отозвался Малинин.

– Вы абсолютно правы, коллега.

– А ну-ка, придурки, – главный медик вдруг извлек из-под халата пистолет. – Мы смаываемся. Где у вас склад с горючкой?

– Склад был там, – снова проявил готовность помочь предупредительный Малинин и указал на черный провал.

– Спасибо, коллега, – отозвался я, – очень любезно с вашей стороны помочь этим скверным докторам. Я обернулся к медику с бегающими глазками. – Вы же не станете угрожать нам этим страшным оружием?

– Ничего, коллега, – заговорил Малинин. – Я видел в своей жизни людей по-настоящему скверных. Эти люди не такие. Они работники медицины. Наверное, они собираются, если потребуется, даже силой принуждения спасти нас от скверного вируса. Но, право слово, мы и сами готовы помогать вам.

– Вот и отлично, – кивнул тощий. Видимо, он решил, что перегнул палку, и сунул пистолет обратно под халат. – Двигаем отсюда. Пока нас не накрыло.

И мы направились обратно.

– Почему вы не вызвали спасателей?! – поинтересовался главный медик. Я заметил, что в голосе у него появились истерические нотки. Я такие вещи сразу улавливаю. Сам раньше был склонен к истерикам. Еще до прибытия на базу.

– Доктор всегда придет на помощь, – процитировал Малинин известную телерекламу.

– Вы абсолютно правы, коллега, – поддержал я его. – Доктор службы ноль три с вами всегда, даже когда ваша жизнь висит на волоске, даже в обстоятельствах, которые вам кажутся фатальными. Обратитесь в службу ноль три – и вы, и ваши близкие немедленно получите помощь и поддержку высококлассного специалиста.

Повисла пауза.

– Вы что, дебилы?! – Тут доктор с бычьей шеей схватил коллегу Малинина за воротник и встряхнул.

– Я бы так не говорил, – осторожно отозвался тот, болтая в воздухе ногами.

Раньше, когда я еще не работал на базе, злые люди часто называли меня «дебиллом». За то время, что я провел на Глуге, я привык к уважительному отношению со стороны коллег и персонала базы, и на оскорбление отреагировал болезненно. От обиды едва не прослезился. Но мне, все же, удалось взять себя в руки. Правда, для этого я вцепился зубами в ладонь, так, что едва не прокусил ее до крови.

– Да, уровень интеллекта у нас весьма небольшой, – сказал я тихо. – Во всяком случае, так написано в наших анкетах. Другие на эту работу не соглашаются. Говорят, здесь торийная пыль, опасная для здоровья. Но платят нам хорошо. Да и пыль эта опасна не для всех, я так думаю.

– Он думает, – главный доктор скривился. – Ты понял, Тео, где мы оказались?

– В дурдоме! – откликнулся Тео, обладатель бычьей шеи и вспыльчивого характера, – занесло, мать твою...

– Так вас зовут Тео, – догадался я, – очень приятно познакомиться. Я Антон Сергеевич Горский, младший сотрудник пятой рудной корпорации, бурильщик пятого разряда. Мой коллега – Виктор Львович Малинин, младший сотрудник пятой рудной корпорации, бурильщик пятого разряда.

– Ты что, издеваешься? – Бычья шея и плоское лицо оказались от меня в непосредственной близости.

– Тише, Тео, – Главный доктор взял здоровяка за плечо, – он не издевается. Он просто тупой. Он же все доходчиво объяснил. Сейчас не до разборок. Так, вы двое, умники...

Я удовлетворенно кивнул – наконец-то правильные речи.

– Прежде всего, лично я вас дебилами вовсе не считаю. Времени у нас совсем мало. Скажите-ка, парни, здесь есть резервные запасы топлива?

– Конечно, есть, – откликнулся гордый собой коллега Малинин – он был рад, что может услужить попавшим в критическую ситуацию докторам.

– Отлично, – от радости главный доктор рассмеялся и подмигнул своему напарнику. – И где они?

– Тоже там, – Малинин жизнерадостно махнул в сторону черного провала.

Тощий выругался, заставив меня поморщиться – грязная брань всегда вызывала у меня чувство протеста.

– А еще есть? – поинтересовался грубиян с надеждой.

– Больше нет.

– Вы абсолютно правы, коллега, – подтвердил я. – Это последнее.

– Рация? Рация, с которой вы передавали сигнал. Где она?

– Тоже там, – Малинин вежливо улыбнулся. – Хорошо, что вы нас услышали и прилетели...

Тут с медиками случилась уже натуральная истерика, что меня порядком удивило – я полагал, что в бригады врачей берут самых выдержанных и спокойных индивидуумов. А тут такое. Здоровенный Тео зачем-то схватил коллегу Малинина и приложил головой о стену, а меня сильно толкнул, так что я упал. Что касается главного доктора с черными злыми глазками, то он метался по коридору и безостановочно проклинал нас и нашу базу. Мне это очень не понравилось, ведь база – наш второй дом.

Затем, оставив нас в коридоре, медики, демонстрируя сплоченность, вдруг одновременно пришли к какому-то решению и метнулись в стыковочный отсек, где остался их старый катерок. И какой в этом смысл, если, по их же собственным словам, топлива не осталось даже на взлет?

Как я и предполагал, вскоре доктора с криками выбежали обратно в коридор. Оказалось, что весь отсек успел погрузиться во тьму, а от их суденышка осталась ровно половина, на которой, понятное дело, лететь нельзя...

Через пару часов все, что осталось от базы – рудный тоннель.

– Зачем только мы перехватили этот гребаный сигнал? – главный медик сидел на полу, обхватив голову руками.

– Так вы настоящие доктора? – заинтересовался Малинин.

– Действительно, – поддержал я его, – пора скинуть маски, господа. Мы в одной лодке.

– Да, дебил ты недоделанный! – заорал медик, демонстрируя, что и он тоже склонен к немотивированной агрессии. – Никакие мы не доктора! Перехватили ваш сигнал бедствия, погасили его, и полетели сюда. Думали поживиться торийной рудой. Ее можно сдать на любой перевалочной станции за хорошее бабло. А тут такое...

– Я сразу понял, что вы не медики, – я с сожалением кивнул, – знаете, как я догадался?

– Как? – машинально откликнулся Тео Он стоял, прижавшись к стене, и со страхом наблюдал, как серые потеки проступают на потолке над его головой.

– Доктора в рекламе всегда улыбочивые, красивые, в белых халатах. И летают на бело-снежных кораблях с красными крестами на дверцах, и мигалкой на крыше. А ваш катер грязный, закопченный. На таких доктора не летают.

– Может быть, среди нас есть верующие? – неожиданно поинтересовался коллега Малинин.

– И правда, – я бросил на него исполненный восхищения взгляд – до чего проникательный человек, – если среди нас есть верующие, можно помолиться.

– Я атеист, – пробурчал главный медик сквозь зубы.

Тео же вдруг громко забормотал:

– Отче наш, иже еси...

Умирать ему очевидно не хотелось. Давно заметил, отчего-то жизнь больше всего любят люди с бычьими шеями.

А мы с коллегой Малининым сохраняли спокойствие. Не в первый раз наблюдали, как базу поглощает вирус. Я для него даже название специальное придумал – Вирус очищения. Через пару дней он оставлял базу, возвращая на места все неживые объекты – забирал только живых. Потом пятая рудная корпорация прислала новых работников, и все начиналось по новой. Последним, на кого не повлиял Вирус очищения, был коллега Малинин. Думаю, это произошло оттого, что у коллеги Малинина душа ангела. Еще порой мне кажется, что этот вирус – вовсе и не вирус, а местный Бог. Поэтому когда Тео стал молиться, я посмотрел на него с сочувствием. Вот ведь, злой человек, ударил коллегу Малинина, да и меня толкнул, а молится, просит о спасении...

Не помогло. Через пару часов наших гостей не стало. Остались только мы с коллегой Малининым. И принялись снова, как и много раз прежде, болтаясь в пустоте, обсуждать многообразие вселенной, Кафку, Мольера и труды моего любимого философа Льва Лосева.

Вы спросите, а зачем мы, собственно, отправили сигнал бедствия? Тут такое дело... Даже не знаю, как сказать. Ну, в общем, все же расскажу. Дело в том, что в той самой рекламе, которую так часто крутили по телевидению, такие красивые медицинские катера! А мне бы очень хотелось как-нибудь облететь на одном таком вокруг Глуца. Я думал так: тьма уйдет, а катерок-то останется.

Троица

Принять лиловую таблетку – и провалиться в иную реальность, где краски смазаны, а голоса звучат напевно и волнуяще. На тощем теле лохмотья, бывшие когда-то военным мундиром, в прорехи проглядывает нечистое тело. В членах легкость, но нет никакого желания двигаться быстро, лучше вот так – плыть в киселе воздуха, стелиться над землей медлительной птицей, чье тело невесомо, и полет лишен цели.

Он бредет по пустынной улице, мимо черных домов. Выбитые окна, осколки на тротуаре. Холодный ветер носит обрывки газет, целлофановые пакеты, сухие листья. Перешагнул поваленный столб, разорванные провода силовой линии – электричества в городе нет почти шесть месяцев.

У магазина прямо на мостовой сидят люди. Все с пустыми лицами. Глаза прикрыты, зрачки поблескивают. Некоторые сжимают стаканчики с питательной смесью – она поддерживает в них жизнь.

Он собирается тоже присесть. Но вдруг слышит необычное: в отдалении звучит музыка. Мелодия напоминает ему нечто давно забытое. Он начинает было ускорять шаги, но тут же его охватывает чувство абсолютной апатии. Он едва волочит ноги. К чему спешить, если все неважно? Даже собственная жизнь, принесенная в жертву любви. Все же добрал до угла здания, задрал подбородок, уставился в размываемое радужным дождем небо. Мелодия льется из окон второго этажа. Кто-то выставил на подоконник старый дисковый магнитофон.

В голове колыхнулись воспоминания, и почти сразу исчезли, словно их никогда и не было. А существовала одна только иная реальность, расцветенная дивными красками, насыщенная сладостными ощущениями. Он садится на бордюр, стараясь воскресить в памяти хоть что-то... Не получается. Прошлое сгнуло навсегда.

Через некоторое время мелодия смолкает. Появляются тени в темных балахонах. Между ними, суетливо оглядываясь, бежит, подгоняемый электрошокером, человек.

– Эй, – кричит он, – вы слышали? Скажите мне только одно, слышали?..

– Этот парень – контрабандист, – поведал полковник Жигалин. – Он поставляет наркотики на планеты Солнечной системы. При этом его совершенно не интересует, кому он сбывает свой товар. Ему плевать, где будет продаваться синтетическая дурь. Возможно, в школах или на детских площадках. Его не интересует, кто будет принимать наркоту. Только не надо думать, будто он думает нагреть руки. Вовсе нет. Он считает себя посланником бога в Солнечной системе. Он гордится тем, что делает. И неоднократно упоминал, согласно нашим данным, что совершает богоугодное дело. Мессия, твою налево. Мы имеем дело с фанатиком. Подсевшие на буганадиол за пару недель превращаются в жалкое отребье...

Четверка оперативников федеральной службы внимала командиру спецотряда, сохраняя молчание. В паузах между чеканными словами тишина становилась такой глубокой, что было слышно, как жужжит и бьется в стекло муха. Каким-то образом насекомое оказалось в космической станции на орбите Меркурия. Полковнику она действовала на нервы. Прежде чем продолжить инструктаж личного состава, Георгий Жигалин взял папку с отчетами и одним ударом прихлопнул источник раздражения. На стекле остался след. Полковник швырнул папку на стол.

– Его неоднократно пытались взять, – продолжил он, – но всякий раз мерзавцу удавалось ускользнуть. Сейчас задание по поимке преступника поручено нашей группе. Есть мнение,

что у парня корабль с форсированным фотонным ускорителем. У нашего командования есть и еще кое-какие идеи... совсем уже фантастические. Кое-кто уверен, что он и от нас ускользнет. Но лично я не верю, что его нельзя взять. Наша задача – сделать так, чтобы на этот раз капкан захлопнулся. Теперь предметно. По нашим данным, завтра в районе двенадцати часов по земному времени наш парень будет в районе Луны. Выйдет на орбиту и на некоторое время зависнет там. Будет ожидать стыковки с коллегами, твою налево, с Венеры. Судя по всему, он их поставщик. Катер наркоторговцев перехвачен. Вместо них к кораблю пристыкуемся мы. Действовать надо быстро и аккуратно. Он нужен живым. Нас интересует не только он, но и его сеть. Возьмем всех разом. – Жигалин сжал кулак и поднес к лицу.

– Можно вопрос? – Со своего места поднялся высокий брюнет с костистым носом и широкими плечами. В оперативный отряд он был принят всего пару недель назад, но успел заслужить прозвище Калач, в смысле «тертый», после того, как во время проведения операции по обезвреживанию банды налетчиков в рукопашной уложил трех вооруженных до зубов бандитов. Правда, немного перестарался. Одному сломал шею. Другому – кисти обеих рук.

– Валяй, – разрешил Жигалин. Самоуверенностью и явной склонностью к насилию парень его здорово раздражал, но он предпочитал своего истинного отношения пока не выказывать. Может, новичок еще покажет себя с лучшей стороны. Такое бывает. Хоть и нечасто. Взять хотя бы его самого. Сколько дел наворотил, пока понял, что следует уделить внимание самоконтролю, если хочешь добиться в жизни успеха.

– Странно как-то, – сказал Калач. – Пытались взять – не смогли. Хотели арестовать – не арестовали. Что-то я не припомню, чтобы федералы так лажали, – перешел новичок на молодежный сленг – сразу видно, недавно из академии. – Может, посвятите нас в детали? Что с ним не так?

Жигалин замаялся. Стоит ли предоставлять подчиненным всю информацию, полученную от командования?..

– Ладно, – решил он. – Имеете право знать. Есть еще кое-что. По слухам, наш контрабандист – не человек.

– А кто? – задал дурацкий вопрос капитан Анатолий Лукаш, бывший космодесантник, самый старший в отряде. Лукаш принимал участие в освоении Плутона, имел несколько правительственных наград. В том числе Золотого орла за проявленный на Плуtone героизм.

– Есть мнение, это последний из гобов.

На сей раз тишина в конференц-зале повисла мертвая. И несчастная муха, приходящаяся гобам в некотором смысле родственницей, будучи раздавленной в лепешку, не могла ее нарушить...

В ближайшие несколько месяцев настроение Георгия Жигалина отличалось завидной стабильностью – он был раздраженным и злым двадцать четыре часа в сутки. Эмоциональный настрой полковника напрямую зависел от того, насколько хорошо ему удавалось выполнить очередное задание командования. Если что-то шло не так, он становился невыносим. Подчиненные старались не попадаться ему на глаза. Знали – чревато. Хотя в отряд присылали самых опытных бойцов. После академии крайне редко. Только в случае отличной учебы и блистательно проведенной практики. Калач, к примеру, закончил академию с высшим баллом по всем дисциплинам, и имел лучшие характеристики от педагогов. И все равно, Жигалин был уверен, что надолго парень в его группе не задержится.

Оперативная группа под командованием полковника Жигалина подчинялась непосредственно руководству Славянского союза. Отряд создавался как специальная правительственная группа быстрого реагирования. Жигалин знал, что от его работы порой зависит слишком многое, и не мог позволить себе провал операции. При малейшей оплошности гнал провинившегося из отряда. Текучка кадров в подразделении составляла одну боевую единицу в год.

Единственная, кто задержалась в его группе надолго, капитан Елена Слуцкая. Вовсе не потому, что отличалась безупречной службой. Или умением не попадаться полковнику на глаза в периоды его дурного настроения. А лишь по причине того, что к платиновым блондинкам с четвертым размером груди Георгий Жигалин стал питать слабость, едва достигнув возраста половой зрелости.

Несмотря на стойкую уверенность, что в жизни бывает все, кроме чудес, если бы полковник Жигалин услышал, что ему предстоит стать одним из последних защитников человечества, он бы, разумеется, не поверил.

После инструктажа личного состава он прошел в рубку управления станцией и задал с пульта ряд команд. Роботы должны подготовить капсулы для перелета и экипировку для экипажа.

Медлительные механизмы неспешно покинули коридорные ниши и покатались на гусеничном ходу выполнять работу. Георгий с удовлетворением проследил, как они слаженно двигаются короткой цепью по главному коридору, затем проверил, все ли узлы исправны – судя по системе тестирования, роботы в норме. Только у номера девять барахлил локтевой сустав левой конечности. Он сломался еще неделю назад. Жигалин сразу отослал запрос на получение новых деталей. Но доставка отчего-то задерживалась. То ли деталей не было на военном складе, то ли командование посчитало, что работа проще списать в утиль, прислав нового. Такие меры часто применялись, если выходил из строя один из незначительных механизмов. Министерство обороны не экономило на мелочах. Благо, бюджет позволял.

До старта оставалось полтора часа. Георгий решил провести их с толком. Кое-кто из высшего командного состава полагал, будто секс перед операцией не способствует ее успеху. Только не полковник Жигалин.

В коридоре он к своему неудовольствию столкнулся с Сергеем Стукаловым. Последний отличался не самым приятным характером. В оперативном отряде Жигалин терпел его только по причине великолепной боевой выправки. Впрочем, раздражения Жигалин не скрывал, часто придираясь к подчиненному по мелочам. Стукалов действовал не как человек, а словно оживший механизм. Приказы выполнял точно. Но стоило ситуации выйти из-под контроля, проявлял себя, мягко говоря, неправильно. В прошлый раз, к примеру, бандитам удалось применить электромагнитную пушку. После чего продолжающий безрезультатно спускать курок Стукалов получил удар парализатором в грудь. Пришлось новичку брать инициативу на себя. Хорошо, парень оказался крепким, и справился с тремя противниками.

– Что ты здесь делаешь?! – поинтересовался Жигалин. – Почему не отдыхаешь?

Стукалов вытянулся в струну.

– Не могу перед операцией... – Добавил виновато: – Вы же знаете.

– Отставить шатания по коридору! Марш в свою каюту!

– Есть.

Проводив подчиненного сердитым взглядом, Георгий направился дальше. Приложил ладонь к сенсорному замку – у него был доступ. Створка двери мягко отъехала в сторону. Полковник стремительно пересек каюту и заключил Елену в объятия. Губы любовников слились в страстном поцелуе. Девушка была значительно ниже полковника, ей приходилось запрокидывать голову, отливающие белым шелком волосы ниспадали до пояса. Сколько раз он просил ее сделать уставную прическу – для женщин в армии это аккуратный полубокс. Но Лена упиралась. Знала, что из отряда он ее все равно не выгонит. Говорила, что волосы под шлемом не мешают. И, в общем-то, была права.

Жигалин в силу характера не любил предварительных ласк, и в подруге ценил умение обходиться без них – страстная натура, она возбуждалась от одного его прикосновения. Он

решительно расстегнул молнию комбинезона, сорвал с девушки одежду. Подхватил ее ниже линии бедер и опрокинул на кровать...

Ровно через полчаса полковник покидал каюту Елены Слуцкой. Обнаженная девушка лежала на горячей от любви постели. Пышная грудь продолжала манить полковника. Но он умел при необходимости взять себя в руки.

– Будь готова. Через час вылет! – бросил Жигалин. С подчиненной он оставался подчеркнуто жестким, хотя душа отзывалась нежностью, стоило ему только подумать о Елене. От странного теснения в груди полковник старательно бежал, его пугало даже предположение, что это, возможно, любовь. Не время сейчас, говорил себе Жигалин, и отчаянно тосковал от того, что, твою налево, действительно не время. Родина в опасности.

Стыковка прошла нормально. На подлете загрузили бортовой компьютер корабля контрабандиста информацией от арестованных пару недель назад торговцев наркотой – все они уже отправились по этапу на Тритон. Картинка продемонстрировала преступнику несколько отвратительных рож в тюрбанах. Только сидящий за пультом уроженец Венеры выглядел более-менее презентабельно. У него имелся диплом пилота торгового флота, и во время ареста он был куда разговорчивее подельников.

Спецотряд полковника Жигалина проник в корабль контрабандиста. Внешне – стандартная комплектация «Титана»: никаких фотонных ускорителей Георгий не заметил, да и других технических усовершенствований на первый взгляд видно не было. Миновав узкий коридор, оперативники ворвались в рубку управления. Впереди – полковник Жигалин. Сразу за ним Калач. Парень проявлял заметное рвение. Следом Лукаш и Елена. Сергей Стукалов по приказу командира остался в капсуле. Не хотелось, чтобы он завалил дело. Про себя Жигалин уже решил – в ближайшее время списать его на берег.

Свесив две пары конечностей, гоб сидел без движения в крутящемся кресле, возле пульта. На непроницаемом темном лице сложно было что-то прочесть. Оно так не похоже было на человеческое и выглядело безжизненной маской. Отчего-то Жигалину показалось, что если сдернуть ее, то за ней обнаружится гладкая мертвенно-белая поверхность. Визуальный образ был настолько отчетливым, что Георгий ощутил, как по позвоночнику пробежал холодок.

– Сидеть! – Жигалин огляделся, стараясь не выпускать инопланетянина из поля зрения. Кто знает, что может выкинуть гоб. В свое время он просмотрел немало записей многочисленных интервью и ток-шоу с участием пришельцев, но так и не смог разгадать их странной природы. О чем они думают, чего хотят от людей, все это так и оставалось загадкой по сию пору.

Гоб ничего не отвечал, – хотя, судя по записям, по-русски пришельцы изъяснялись вполне сносно, – только смотрел желтыми фасетчатыми глазами, лишенными век, да слабо шевелил шупальцами над неровной щелью рта.

Жигалин медлил. Его что-то настораживало. Казалось, пора отдать приказ об аресте, но язык словно прирос к небу. И сердце колотилось учащенно, что было ему совсем не свойственно...

Контрабандист вдруг резко поднялся и пошел на людей. Ощувив мгновенный укол страха, Георгий попятился...

Калач вскинул автомат и дал по преступнику очередь. Но вместо того чтобы откинуться назад, обливаясь желто-зеленой кровью, тот исчез в яркой вспышке света.

Прикрыв ослепленные глаза, Жигалин пару секунд тупо разглядывал кресло, в котором только что сидел инопланетянин, потом процедил сквозь зубы:

– Я же сказал, брать живым! – Он обернулся к стрелку. – Ты что, не слышал?!

– Он хотел напасть на нас... – Парень выглядел обескураженным.

– На базе разберемся, – пообещал Жигалин и отдал приказ: – Обыскать тут все! Мерзавца брать живым!

Поиски дали самые неожиданные результаты. Хвостовой отсек оказался под завязку забит бутанадиолом, чья точная формула пока оставалась для земных ученых загадкой.

А вот самого контрабандиста на корабле не оказалось. Он попросту исчез.

Встреча с инопланетянином произвела на полковника Жигалина неизгладимое впечатление. Впоследствии он неоднократно вспоминал черную физиономию без тени эмоций и свои странные чувства.

«Он умеет контролировать наши эмоции, – думал полковник, – и делает это мастерски».

Тот искусственный страх, который испытал Жигалин, ничуть не походил на естественный. Так, должно быть, ощущает себя подопытная крыса с вживленным в кору головного мозга электродом...

Первый контакт состоялся больше десяти лет назад.

Появление корабля гобов поначалу вызвало панику. Человечество оказалось не готово к общению с инопланетным разумом. Люди только недавно успели освоить Солнечную систему. О полетах к иным звездным системам пока можно было только мечтать. А гобы явились из таких космических глубин, о которых и мечтать не приходилось. Восторженные заявления некоторых энтузиастов-уфологов не в счет. Их голос потонул в реве перепуганной перспективой вторжения толпы.

Контакт состоялся в мае 2102 года. Корабль инопланетян вышел на связь с одним из грузовых танкеров, следующих от Меркурия к Земле. Корабль ничего не ответил на призыв к общению – у военного пилота просто не было таких полномочий. Все, что он сделал, – запросил позывные незнакомого судна и отправил отчет командованию.

Затем пришельцы решили обратиться ко всему человечеству. Причем, сделали это сразу на всех каналах связи. Высокотехнологичное оборудование, разработанное на далеких планетах, позволяло осуществлять подобную трансляцию. После обращения к людям Солнечной системы скрыть появление инопланетян стало невозможно. Правительство Соединенных Штатов Америки и Европы попыталось было представить трансляцию с космического корабля шуткой зарвавшегося хакера. Но руководство других стран, и в частности Славянского союза, незамедлительно объявило, что контакт состоялся. Американско-европейцам ничего не оставалось, кроме как заявить, что присутствие инопланетян в Солнечной системе – свершившийся факт.

Гобы приземлились на одной из марсианских военных баз. На борту их было трое.

Прежде всего, исследованием пришельцев занялись ученые. Они установили, что имеют дело с негуманоидной формой разумной жизни. Членистоногие беспозвоночные. Физиологически гобы ближе всего к земным насекомым. Но при этом прямоходящие. За счет двух пар ног. Верхние конечности снабжены тремя пальцами и в состоянии осуществлять хватательную функцию. На голове расположены сложные фасетчатые глаза и пара щупалец над ротовым отверстием. Их окрестили *Insecta Sapiens*.

Выяснилось, что внешний вид гобов способен вызывать стойкое отвращение у людей. Началась натуральная эпидемия акарофобии. Опросы показали, что куда больше население было бы счастливо, если бы в контакт с человечеством вступила гуманоидная раса. К представителям же вида *Insecta Sapiens* люди испытывали необъяснимое подозрение.

К столь подробному изучению их физиса инопланетяне отнеслись спокойно. Они вообще проявляли благодушие. Так, во всяком случае, казалось поначалу.

Свой корабль гобы также покорно отдали для изучения. Технологии, примененные при его строительстве, оказались настолько сложными, что было принято решение разобрать его на части, чтобы исследовать каждый узел по отдельности.

Инженеры и кораблестроители также зашли в тупик. После визита инопланетян прошло больше десяти лет, но не был получен ответ ни на один вопрос. Тем более что сами гобы не торопились оказывать поддержку техникам и разъяснить, как работает тот или иной прибор. В ответ на все вопросы они только качали уродливыми головами и говорили, что человечеству пока слишком рано владеть подобными технологиями.

Переговорный процесс зашел в тупик.

Одним из основных свойств личности гобов, согласно отчетам земных психологов, оказалось сострадание. Столь глубокое, что временами инопланетяне впадали в состояние, близкое к истероидному и принимались натурально стенать, прикрывая глаза трехпальными верхними конечностями.

Столь странное поведение пришельцев вызвало глубокое беспокойство у высокой комиссии, созданной специально для налаживания контакта с пришельцами.

Уже через несколько недель пребывания в Солнечной системе гобы сносно говорили на нескольких языках. Но и многочисленные интервью ничего толком не объясняли. Пришельцы не сообщали, откуда прилетели. Не желали поведать о социуме, к которому они принадлежат. Один из них вдруг заявил, что ничего об этом не знает. Другой сообщил, что их миссия – научить человечество любви. Его слова многие сочли издевкой. Раздражение в обществе росло. Все чаще звучали голоса, что инопланетян надо принудить говорить силой.

«Не желают дать нам знания так, значит, мы их заставим, – вещал со сцены известный политик. – Они не вправе скрывать от нас технологии, которые позволят человечеству совершить стремительный рывок вперед».

Во время многочисленных ток-шоу толпа была почти единодушна – из гобов необходимо вытянуть научные данные. Любой ценой.

Ведущий вечернего ток-шоу на одном из государственных каналов:

– Итак, вопрос, который мы задаем нашим гостям не в первый раз. Поможете ли вы человечеству в освоении космоса за пределами Солнечной системы?

– А зачем вы хотите оказаться за пределами Солнечной системы? – интересуется тихим голосом один из гобов.

– Как это зачем?! – восклицает ведущий. – Мы хотим и дальше развиваться. Расти вширь. Человечество самостоятельно освоило Солнечную систему. Но нам этого мало. Обладая вашей технологией, мы освоим и другие миры. Мы будем повсюду...

Зал отвечает одобрительным гулом.

– Я знаю, чего вы хотите, – гоб проговаривает слова медленно, тщательно подбирая их, чтобы ничем не исказить смысл сказанного. – Вы хотите выкачать из недр других планет полезные ископаемые, приручить их биосферу, подчинить себе все живое на этих планетах или убить. То есть сделать иные планеты безжизненными, а существ, обитающих на них, уничтожить. За ради чего вы хотите пожрать их плоть и кровь?! Ради насыщения плоти тех, кто обитает ныне в Солнечной системе? Люди, вы либо хищники, либо неразумные дети. Вы не достигли той степени сострадания и любви, которая сделает возможным контакт с другими мирами. – Гоб прижимает к фасетчатым глазам конечность и всхлипывает – его снова охватило сострадание.

– А вы, конечно, достигли?! – восклицает уязвленный ведущий.

Толпа в студии возмущенно рокочет.

– О да, мы достигли, – отзывается другой гоб. – Мы явились с тем, чтобы научить вас любви, люди.

– Вы напоминаете мне проповедников, – отвечает ведущий, – у нас на Земле их и так предостаточно. Не так ли? – бросает он в зал.

– К черту проповедников! – кричат из толпы. Голоса сливаются воедино. Все проклинают инопланетян.

Будущий контрабандист и беглец от закона Кречмар, физически насекомое, происхождением – гоб, искренне недоумевал, наблюдая усилия правительства пресечь его деятельность. Люди, вооруженные примитивным оружием, преследовали его не первый год. С тем, чтобы наказать за то, что он делает для человечества.

Неужели они не видят, все, что он совершает, направлено исключительно на благо уроженцев Солнечной системы?! Слепые существа, несчастные в своей ненависти и корысти, они травят его год за годом, не зная, что тем самым отдалают наступление нового мира и явления высшего существа.

В его задачу входило дать людям то, в чем они нуждаются. Разумеется, это не технологии кораблестроения, в которых он и сам мало что смыслил. С самого рождения Кречмар верил в любовь и сострадание. Эти эмоции жили в его генах. И именно эти эмоции он жаждал передать людям. Нет, они не хищники. Они – неразумные дети, не осознающие истинного смысла бытия.

Его природа качественно изменилась после смерти старших братьев. Именно тогда перед ним возникла цель. Кречмар ощутил, как их тела цепенеют, сведенные судорогой, и исчез во вспышке света. Он остался совсем один – паломник из шарового скопления в поясе Ориона, несущий людям свет истины.

Впоследствии он часто мысленно возвращался к происшедшему. И приходил к выводу, что братья приняли смерть намеренно. Такой поступок явился для них единственно верным. Этот поступок был им предназначен свыше. Они взяли на себя бремя человеческих грехов, ненависти, их предназначение – заставить людей каяться в содеянном.

Как бы то ни было, смерть братьев изменила Кречмара, запустила в нем дремавший ранее механизм, заставила действовать.

Кречмар не без удивления обнаружил, что умеет телепортировать. Вторым открытием для него стали те поразительные знания, которые всплыли из глубин подсознания после смерти братьев. Кто и когда заложил их ему в голову, Кречмар не знал. Не помнил он и своего рождения. И даже цивилизации, к которой принадлежал. Он словно существовал всегда. Жил, дожидаясь того времени, когда сможет осуществить то, что должен.

Синтезированный по рецепту, всплывшему из глубин его подсознания, бутанадиол вызывал в употребляющем его человеке стойкую многодневную эйфорию. Наркотик, поставляемый гобом напрямую из подпольных лабораторий на Луне и Плутоне, делал человека лучше, склонял к состраданию и любви.

Для Кречмара же бутанадиол представлял единственную пригодную к употреблению пищу в условиях Солнечной системы, снабжал организм всеми необходимыми питательными веществами, существенно улучшал метаболизм.

Кречмар перемещался по крышам громадного мегаполиса, столицы Славянского Союза, телепортируясь с одного здания на другое. На сталинской высотке у Красных ворот гоб остановился, сел, свесив две пары ног, над вечерней Москвой. Он жестоко страдал. Ему было жаль убогое человечество. Внизу не происходило ничего необычного. Люди направлялись по своим делам, спешили по широким тротуарам. Низкие автомобили сплошным потоком тянулись по

трехъярусной автостраде Садового кольца. Катера проносились в синем уродливом небе. Неподалеку возвышались прозрачные купола гигантского московского зоопарка. Здесь были представлены выведенные в генетических лабораториях диковинные существа – как млекопитающие, так и насекомые. Многие образцы обладали интеллектом, куда более причудливым, чем представлялось людям. Кречмар доподлинно это знал – в зоопарке он бывал довольно часто. Некоторые насекомые в своем восприятии были гобу куда ближе человека. И все же, в его задачу входил контакт с доминирующим видом. А в Солнечной системе пока доминировали люди.

В это самое время Георгий Жигалин, так и не сняв штурмовой комбинезон, направлялся в комнату связи, чтобы отчитаться перед командованием. Ему предстоял тяжелый и неприятный разговор. Операция провалена. Несмотря на то что им удалось накрыть крупную партию наркотиков, контрабандист снова ушел.

Больше всего Жигалину сейчас хотелось оказаться на расстоянии выстрела от этой уродливой образины. Уж он бы не промахнулся. Спустил курок и посмотрел, как разлетается продолговатая черепушка. Полковник так завелся, думая о прищельце, что стал завидовать тем, кто был в толпе, растерзавшей тех двоих.

Он вошел в переговорную, ткнул кнопку интеркома. На экране возник длинный стол, за ним несколько человек – первые лица государства, военные шишки, премьер-министр Славянского союза и сам президент. Собрались по случаю сеанса связи.

– Операция прошла неудачно, – сообщил Жигалин, – преступнику удалось уйти.

Повисла пауза.

– Позвольте мне, – попросил премьер-министр, Алексей Борисович Камской. Он был значительно старше присутствующих. В народе его уважали. К словам Камского прислушивались даже крайне правые и экстремисты.

– Пожалуйста, – разрешил президент.

– Как это случилось? – поинтересовался Камской.

– Там был гоб. Вспышка света. И он исчез. – Жигалин рапортовал как всегда кратко.

– Погиб?!

– Думаю, телепортировался.

– Думаете, или уверены?

– Имея дело с гобами, ни в чем нельзя быть уверенным.

Премьер-министр склонился к президенту, что-то тихо проговорил в самое ухо.

– Мы свяжемся с вами, – сообщил президент спустя мгновение. Экран интеркома погас.

Вот и весь сеанс связи. Жигалин ожидал чего угодно, но только не такой реакции со стороны командования. Столь краткий сеанс связи предвещал неприятности. Не иначе, распустят, подумал полковник. Но оказался неправ.

Через пару часов пришло сообщение, что на станцию направляется премьер-министр Славянского союза для конфиденциального разговора. Эта информация еще больше насторожила полковника. Обычно Жигалин имел дело с военным генералитетом, в крайнем случае, выходил на связь со всеми сразу, как сегодня. Но никогда еще не беседовал с премьер-министром с глазу на глаз. Значит, ему предстоит услышать нечто крайне важное.

Алексей Борисович Камской прибыл тем же вечером. В сопровождении военизированной охраны. На время разговора телохранители остались за дверью. Премьер-министр расположился в кресле. Жигалин сел у стола.

– Приятно с вами встретиться лицом к лицу, полковник, – заговорил гость, – я буду с вами предельно откровенен. Речь пойдет о гобах. Как они вам, кстати?

– Не очень, – сознался Жигалин.

– Мне тоже. Да и всем нам. Кому нам?! Руководству Славянского союза. Видите ли, полковник, все гораздо мрачнее, чем представляется простому обывателю. Вам я могу сказать. Вы свой человек. Проверенный в деле. В толпе, растерзавшей двух пришельцев, было несколько наших людей. Специально подготовленных людей. Они получили приказ – вызвать агрессию масс, убить инопланетян. Потом все можно было бы списать на несчастный случай. Дескать, пришельцев прикончили зарвавшиеся молодчики. Вы, вероятно, сочтете, что мы совершили плохой поступок. Но я полагаю, после того, как я расскажу вам кое-что, вы поймете, в этом была необходимость. После проведения исследований объединенная комиссия пришла к выводу, что гобы опасны. Сама цель их визита в Солнечную систему крайне туманна. Они ничего не рассказывали о себе. То есть они намеренно утаивали от человечества любую информацию о своей цивилизации. Сейчас уже понятно, что скрывали и некоторые способности. К примеру, способность к телепортации. А нам они говорили только то, что считали возможным для того, чтобы будоражить умы. Все эти высокопарные речи о любви, сострадании... При этом они активно использовали гипнотическое внушение. То, что у них есть к этому особые способности, безусловно. Вы, наверное, почувствовали на себе, на что способен гоб, если он находится вблизи от человека?

– Что-то такое было, – пробормотал Жигалин, в том, что он испытал страх, признаваться не хотелось, – а потом он просто исчез... Я глазам не поверил.

– Представляете, какая начнется паника, если люди об этом узнают. Даже не хочется думать о том, что будет, если мы допустим утечку информации. Надеюсь, все ваши люди надежны?

– Я доверяю им, как самому себе, – ответил полковник и подумал о Калаче – подвел один раз, может снова выйти из-под контроля. – Вот только новичок...

– Что с новичком?!

– Он тоже все видел. Парня прислали две недели назад. Прямо из академии. Невыдержанный, склонный к агрессии. Я бы хотел убрать его из отряда.

– Правильное решение, – одобрил Камской. – Пусть отправляется на Землю. Я за ним пригляжу... – Премьер-министр замолчал. Некоторое время он задумчиво разглядывал Жигалина, потом поинтересовался:

– Вы мне не доверяете? Думаете, все, что я говорю, бред старого параноика?

– Мое дело не думать, а выполнять приказы.

– Только не надо считать, будто я один измыслил все это. Это не так. Решение о ликвидации пришельцев было принято советом Союза. Поймите, иногда надо действовать решительно, чтобы спасти государство. Да что там государство. Спасти все человечество.

– Я понимаю.

– Вот и хорошо. Операцию мы провели относительно успешно, но одному из них все же удалось ускользнуть. И это притом, что все три гоба были предварительно отравлены, чтобы замедлить их реакцию. Я не говорил, что они обладают огромной физической силой? Мы боялись, что среди людей могут быть жертвы. Каким образом этот третий вывел из организма яд, ума не приложу, но теперь очевидно, контрабандист – это наш гоб.

– Может, не тот самый, а какой-то еще, – предположил Жигалин. Ему сделалось не по себе. Слишком чудовищным выглядело предположение, что Солнечную систему время от времени навещают корабли инопланетян-насекомых, преследующих здесь неведомые цели.

– Исключено, – ответил премьер-министр. – Мы намного тщательнее следим за космосом, чем раньше. Мы полагаем, эти трое были единственными. Есть мнение, они – кто-то вроде лазутчиков. Их специально готовили для того, чтобы, оказавшись в Солнечной системе, они повергли нашу цивилизацию в хаос. Поймите, полковник, мы не исключаем, что гобы готовятся к вторжению, но произойдет оно не сегодня и не завтра. Эта тройка нас здорово взволновала, когда мы поняли, какую опасность они представляют. Вы понимаете, чем мы рискуем?

– Мое дело выполнять приказы, – повторил Жигалин.

– Ради бога, не стройте из себя солдафона. Я тщательно изучил ваше личное дело. Там есть и неподчинение приказам среди прочего, и многие другие проступки...

– Это было давно.

– Хорошо. Тогда выполните приказ правительства. Убейте его. Да, он остался один, но и один он способен на многое. Знаете ли вы, что физиологически гобы насекомые?

Полковник кивнул:

– Слышал.

– Мы рассуждали так. Насекомые – самый многочисленный класс живых организмов в Солнечной системе. Они размножаются с огромной скоростью. На каждого человека приходится двести пятьдесят насекомых в год. Научно задокументированный факт. А что если они решили избавить своих родственников от господства гуманоидной расы? Речь уже не идет о его поимке. Вы и ваша команда должны уничтожить пришельца, пока еще не слишком поздно.

«Легче сказать, чем сделать», – подумал Жигалин, но вслух высказался совсем иначе:

– Будет сделано.

– Вы молодец, полковник, я и не ожидал другого ответа. Со своей стороны могу обещать вам абсолютную поддержку. В средствах вы больше не ограничены.

– Как вы сказали?

– Я сказал, у вас будет все, что потребуется, чтобы уничтожить гоба. И запомните, выйти на него можно через людей. У него уже есть сторонники. Много сторонников. Не забывайте о гипнотическом внушении.

– Какой у вас источник? – не поверил Жигалин.

– Ищите свои, – посоветовал премьер-министр, – считайте мои ненадежными. Еще кое-что. Проинструктируйте своих людей. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь из них оказался на дисциплинарной станции.

– Конечно. – Жигалин подумал, не уволить ли заодно Сергея Стукалова, но решил дать ему второй шанс. В конце концов, он уже несколько лет в отряде. Проверен в деле. А характер – у кого из нас он простой.

– Полагаю, мне не нужно говорить, что о нашей беседе лучше не упоминать.

– Можете на меня положиться.

– И на ваших людей тоже? Я не имею в виду упомянутого вами новобранца.

– Да.

– Рад слышать. А теперь я, пожалуй, пойду. У меня много дел. Да и мои костоломы заждались.

– Где вы таких нашли? – поинтересовался полковник. – Такое ощущение, что их специально растили для службы в охране.

– Генная инженерия творит чудеса, – пошутил Камской. – Только я сильно сомневаюсь, что они помогут, если мне действительно будет угрожать опасность. Наш с вами враг, полковник, куда хитрее рядового киллера, и методы уничтожения живых гуманоидных существ у него иные. У меня самые дурные предчувствия. А они никогда еще меня не подводили. Верите ли, ни разу за все мои восемьдесят шесть лет.

– Постараюсь сделать так, чтобы они вас, наконец, подвели, – пообещал Жигалин.

Проводив премьер-министра, полковник отправился уладить важное дело. Калача он застал в мини-баре на нижней палубе. Парень расклеился, предчувствовал, что его ожидает увольнение, – опрокидывал рюмку за рюмкой и ругался с роботом-барменом. Тот, как обычно, на оскорбления не реагировал.

Жигалин ожидания новичка не обманул.

– Подавай рапорт!

Калач еще больше сник.

– Слушай, полковник, я не знаю, что случилось. Я, как его увидел, в голове что-то перецелкнуло... Как будто это не я был...

– Рапорт, – мрачно проговорил Жигалин, обращение на «ты» ему не понравилось. Он совсем не был уверен, что поступает правильно. Впервые чувствовал себя паршиво, выгоня бойца из отряда. То, что произошло на корабле контрабандиста, выглядело очень странно. Неестественный страх, внушенный гобом. Видение гладкого лица под маской... Искусственное желание убить контрабандиста... Или не искусственное?.. Впрочем, парень проявил нездоровую агрессивность не в первый раз. А значит, должен уйти. Бойцам спецотряда для хорошей службы требуются не только тяжелые кулаки и умение метко стрелять, но и крепкие нервы.

Елена ждала полковника в своей каюте. Сидела в одних трусиках на кровати, полировала ногти. Жигалин присел на стул, ощутил, как спинка прогибается, принимая очертания тела.

– Все в порядке? – девушка чувствовала его, как никто другой.

– Пришлось выгнать Калача. Почему-то чувствую себя виноватым. Скажи мне, только честно, когда ты смотрела на этого, там, на корабле, ты ощущала что-нибудь необычное?

– Отвращение, – Елена ответила сразу. И Жигалин понял, что она тоже думала о неудачной операции. – Очень сильное чувство. И еще страх. Как будто в этом пришельце есть нечто такое, от чего к нему нельзя относиться, как к чело... нет, не человеку, а разумному существу. Как будто он ненастоящий. Как говорящая кукла. Знаешь, все эти ожившие куклы в голографических постановках... Обычно они выглядят очень страшно.

– Что-то такое и я почувствовал, – согласился Жигалин...

– Пойдем в постель, – предложила Елена, – тебе надо расслабиться. Хочешь, сделаю тебе массаж?

– И откуда ты всегда знаешь, что мне нужно?! – Полковник припал небритой щекой к мягкому животу.

Он и сам не знал, как это произошло. Долго лежал рядом с Еленой, не говоря ни слова, размышлял об ощущениях во время операции, и слова вырвались сами собой:

– Выходи за меня.

– Ты уверен?

– Когда я был не уверен?!

И подумал, что был. Совсем недавно. Когда брали гоба. Да и потом... Если уж совсем откровенно, то после происшедшего у него появились сильные сомнения, что когда-нибудь ему удастся взять это странное инопланетное существо. Но он обязательно сделает все возможное, чтобы поймать гоба! И уничтожить!

На Луне Кречмар чувствовал себя в безопасности. Всякий человек из его окружения полагал гоба великим мессией нового времени, пришедшим со звезд, чтобы научить людей любви и наделить их высшим смыслом бытия. Они гордились тем, что избраны им для служения великой цели, для того, чтобы идти первыми и вести за собой остальных. Все они принимали бутанадиол и следовали дорогой любви.

Глядя на них, гоб чувствовал умиротворение и покой. Души ближайших сподвижников Кречмара размягчились, в них обнажились лучшие стороны, они уже не помышляли об освоении космоса, их не привлекали межзвездные дали, а занимали совсем другие помыслы – дорога к иному существованию, где все они будут бесконечно счастливы.

Кречмар просунул верхние конечности в рукава темного балахона, накиннул на голову капюшон. Одеяние сшили для него специально, взамен старого космического комбинезона

паломника. Внизу балахон расширился, скрывая две пары «ног» с острыми отставленными назад коленями.

В сопровождении четверки людей, пожевывая бутанадиол, он двинулся в храм, размышляя о том, что крушение старого мира не за горами. Уроженцы Солнечной системы стремительно обращаются в новую веру. «Скоро наступят такие времена, – думал он, – когда люди обретут подлинную любовь, растворятся в ней и познают истину, и примут высшее существо».

Храм представлял собой скрытую от глаз грандиозную постройку. Семнадцать подземных ярусов, с молельным залом в самом низу, несколькими лабораториями в центре и комнатой уединения под самой поверхностью. Здесь Кречмар установил самостоятельно собранный передатчик – из деталей, изготовленных подпольно уже в Солнечной системе. Передатчиков было несколько. Один на лунной базе, один на Плуtone, два спрятаны на Ганимеде, спутнике Юпитера. Впрочем, пока приборы бездействовали. В них не было необходимости. Время еще не пришло...

В подвенечном платье Лена выглядела необычно. Слишком женственно, что ли. Георгий привык наблюдать ее в военной форме, ну или в нижнем белье. Заметно было, что девушка и сама смущается. Еще бы. Кадровая военная. Выросла в семье отставного полковника астродесанта. Он всегда хотел сына. А когда родилась девочка, воспитывал ее жестко, с детских лет приучал к дисциплине и спорту, готовил к военной службе, не видел для дочери иной карьеры. Хотя жена и противилась. Боялась, что такое воспитание выйдет девочке боком. Однако опасения оказались напрасны, природная страстность взяла свое. Подавить в Лене женственность отцу не удалось. Когда ей было шестнадцать, отец и мать погибли во время аварии пассажирского транспортника, следующего рейсом с Сатурна. Виновником трагедии стал обыкновенный астероид, каким-то образом он преодолел силовое поле и повредил обшивку. Об этой чудовищной катастрофе говорили по сию пору.

– Жигалин, – сказала Лена, – скажи честно, ты меня любишь?

– А что, незаметно? – пробурчал Георгий.

– Не очень.

Полковник задумался. По-хорошему, надо было бы выдать из себя те самые слова. Но почему-то не получалось. Не привык он к сантиментам. Рубленые командные фразы – вот его привычная интонация.

– Давай потом об этом, – выдал полковник.

– Нет, сейчас, – девушка притопнула ножкой.

Жигалин смерил ее внимательным взглядом. Это уже что-то новенькое. Возражать своему командиру?! Но и будущему мужу, поправил он себя. И тихо сказал:

– Люблю.

– Я не слышу, – заупрямилась Елена.

– Люблю! – рявкнул полковник, так, что окружающие заозирались. Потом засмеялись – можно не сомневаться, эта пара брачующихся будет счастлива.

– И я тебя тоже очень люблю, – проговорила невеста и под бурные аплодисменты обвила шею жениха и поцеловала в губы.

Медовый месяц занял ровно три дня. Спустя этот срок началась операция по захвату опасного преступника. Отстранить жену от работы отряда не удалось. Лена потребовала, чтобы он ставил ее при себе. Жигалин согласился скрепя сердце, но решил, что до опасной работы ее не допустит. Конечно, бойцов немного. Но с некоторых пор эта девушка была ему дороже всех на свете и даже, стыдно признаться, важнее успеха правительственной операции.

Полковник Жигалин действовал решительно. Для начала в одном венерианском городе взяли парочку бутанадиоловых наркоманов. Через них удалось выйти на курьеров, осуществ-

ляющих поставки наркотиков с Плутона. Торчки раскололись без особых проблем, достаточно было подержать их пару дней в закрытом бункере. Без бутанадиола они стали покорными, как овечки, и разговорчивыми, словно ведущие утреннего шоу. Цепочку проследили до Плутона. А потом и на Плуtone. На планету сначала высадился один Жигалин. Инфраструктура здесь была развита слабо, немногочисленные колонисты жили глубоко под землей и в шутку называли друг дружку снежными кротами. Несмотря на постоянный подогрев колонии термоядерными реакторами, в отдельных областях температура опускалась до минус тридцати.

В задачу Жигалина входило найти лежбище контрабандиста, как он его называл. Он исходил из простого соображения, что у любого живого существа должен быть дом, место, где он может укрыться и отдохнуть. В конце концов, должен же гоб когда-то спать. Впрочем, уверенности не было и здесь. У контрабандиста могли быть сотни лежбищ по всей Солнечной системе, а могло не быть ни одного.

За пару дней удалось выяснить, что на Плуtone пришелец появляется нечасто. Дела здесь и так шли полным ходом. Бутанадиол производился в десятке подпольных лабораторий и расползался по Солнечной системе как на кораблях, замаскированных под грузовики государственной службы, так и на многочисленных частных яхтах, перестроенных для дальних рейсов.

Полковнику удалось добыть сведения о точной дате появления гоба. Контрабандист в одной из лабораторий дал указания, когда его следует ожидать.

По приказу Жигалина на Плутон высадились остальные бойцы спецотряда. Без Калача их насчитывалось всего четверо, включая Жигалина, но, по его расчетам, и троих должно было хватить. Елене он приказал оставаться на орбите. С тех пор, как они надели обручальные кольца, полковник не давал жене участвовать ни в одной серьезной операции, к ее явному неудовольствию.

Контрабандист всегда появлялся в одном и том же месте – дальнем левом углу обширного цеха, между контейнерами с сыром. За эту информацию Жигалин пощадил информатора и прострелил ему только левую ногу, а не обе сразу.

В указанное время бойцы спецотряда были на позиции, в пустой лаборатории – людей заранее согнали в смежное помещение и заперли.

Ждать пришлось долго. Несколько суток. Но гоб так и не появился.

Жигалин не знал, что пошло не так. То ли допрашиваемый дал заведомо ложную информацию, чтобы пустить оперативников по неверному следу, то ли инопланетянин почувствовал ловушку.

Жигалин связался с командованием, и на Плутон выслали войска быстрого реагирования. С ними прибыл и премьер-министр Камской.

– Неудача? – он внимательно смотрел на полковника.

Жигалин хмуро кивнул.

– Похоже, он все время опережает вас на пару шагов.

– Твою налево! – выругался полковник.

– Ничего-ничего, Георгий. Мы все понимаем. Продолжайте в том же духе. – Камской похлопал командира спецотряда по плечу. – Я верю в вас. Вы справитесь.

Лунную базу брали с усилением из двух штурмовых бомбардировщиков. Поначалу операцию хотели провести силами диверсантов, но на высшем уровне решили, что рисковать больше не стоит. Со спутника было получено несколько высокоточных записей с поверхности Луны: факельные шествия с участием гоба, действия, напоминающие обряды сектантов. Он будто специально делал так, чтобы базу обнаружили.

Бомбардировщики прошли над целью, превратив равнину, под которой предположительно находилась база преступников, в пылающий кратер. Глубинные бомбы зарывались в землю и там взрывались, обращая каменистую лунную почву в жидкий расплав.

Полковник Жигалин руководил операцией. После первого же удара сканер поверхности показал, что никого живого внизу не осталось. Да и как может кто-то уцелеть, если воздушный купол разрушен – воздух с хлопком покинул базу после первого же попадания.

Операция с применением тяжелой артиллерии выглядела эффектно, но на деле напоминала акт отчаяния. Уничтожить всех ради того, чтобы прихлопнуть одного. Такое даже в военное время не всегда возможно.

Но и эта грандиозная бомбардировка, призванная заставить гоба врасплох, ничего не дала. Через неделю поступили новые сведения. Контрабандист объявился на Марсе с новой партией бутанадиола. Затем один из схваченных курьеров сообщил, что ведется строительство новой подземной базы на Дионе, спутнике Сатурна.

Информация о бомбардировке Луны просочилась в прессу. Журналисты писали, что правительство обезумело, уничтожая собственных граждан ради каких-то мифических операций по борьбе с наркотиками. Начались массовые беспорядки. На Земле их удалось подавить быстро. Но в отдаленных колониях творилось такое, что никто уже толком не мог сказать, кто именно осуществляет их руководство. По мнению полковника Жигалина, именно там теперь располагались подпольные лаборатории. Потоки бутанадиола стали намного обширнее. Ими насыщались все без исключения планеты Солнечной системы, где существовала разумная жизнь. Цена на наркотик сделалась такой низкой, что среднего достатка гражданин Славянского союза при желании мог бы закупить бутанадиол на несколько лет вперед.

В посадочном модуле Жигалин был один. Снаряд врезался в ледяную корку и, не прекращая вращения, внедрился в поверхность. Двигался он по принципу бура. Лед кололся легко, цифры глубиномера так и мелькали. Затем «бур» провалился в одну из подземных пустошей искусственного происхождения и застыл – все, как запрограммировал полковник.

Он выждал полчаса после посадки, по инструкции. Нажал сенсор разгерметизации. Отпихнул ногой крышку люка и выбрался наружу. Эластичный скафандр почти не сковывал движений, а вот шлем был тяжеловат – к нему крепился мощный фонарь.

Георгий поднял руку, включил наручный сканер. В радиусе нескольких километров не обнаружилось живого – ни вверх, ни вниз, ни по горизонтали. Неудачная высадка. Придется топтать через ледяную пустошь. Переохлаждение ему, правда, не грозит, но удовольствие то еще.

Полковник вытащил из корабля рюкзак, закинул на спину и двинулся по пустынному подземному ходу. Стенки тоннеля были явно искусственного происхождения, все в крупинках льда, так и сверкающего алмазной россыпью, словно кто-то специально инкрустировал коридор драгоценными камнями.

Жигалин знал, что тоннель пробурен несколько лет назад с целью поиска полезных ископаемых и должен, по идее, вывести к небольшому поселению колонистов.

Впрочем, блуждание в подземном лабиринте может и затянуться. Подобная неопределенность вызвала у Жигалина серьезные опасения. С этими лунами всегда проблема: погрешность в координатах может быть колоссальной. Особенно если колонисты выбрали кочевой принцип размещения. Лишь бы добраться до аквалитической мембраны, удерживающей под землей воздух. Человек сквозь нее проходит свободно, а частицам кислорода проникнуть не удастся. Если бы не это изобретение, сделанное почти сотню лет назад, о колонизации Солнечной системы можно было бы забыть.

На мембрану Георгий набрел только спустя четыре часа безостановочного путешествия по подземному тоннелю. Жара за ней стояла невообразимая. Даже отключив подогрев скафандра, полковник весь взмок.

«Хоть бы терморегулятор отладили, – подумал Георгий, и тут же пришла новая мысль: – А если все работает, как надо? Если подобный режим поддерживается специально? Для комфорта гоба».

Полковник тут же подобрался. Если предположение и неверное, все равно – надо быть начеку.

Шагать по тоннелю было крайне неприятно, луч блуждал по ровным стенам, выхватывал из мрака всего десяток метров. А дальше царила крошечная тьма, и все время казалось, будто кто-то в ней прячется, готовый в любой момент шагнуть полковнику навстречу. Чтобы победить страх, Жигалин стал вспоминать Лену в подвенечном платье. Если бы не Лена, он, наверное, так бы никогда и не узнал, что однолюб. А продолжал клеить женщин на лунной базе и в барах на Земле, когда бывал в отпуске. Теперь все эти приключения казались полковнику чем-то далеким, от чего веяло беспутной юностью. Он ни за что бы не променял горячие объятия любимой женщины на прохладную четко выверенную механику секса с незнакомкой. Именно так, механику. В этом присутствовало что-то искусственное, нечто из области робототехники. Животную страсть Жигалин испытывал только к Елене. И в его влечении к ней присутствовала одна только естественность...

Первый человек встретился ему спустя сотню метров. Сначала присутствие живого тела продемонстрировал тепловой сканер – отозвался серией коротких звуковых сигналов.

На всякий случай Жигалин достал пистолет, но оружие не пригодилось. Человек оказался так накачан наркотой, что попросту не обратил на диверсанта никакого внимания. Только пялился в стену и делал странные пассы, будто силился кого-то поймать. Судя по частоте движений, этот некто летал медленно и крайне неуклюже.

Через пару сотен шагов встретилась целая группа торчков. Человека в скафандре они упорно игнорировали. Только один показал на него пальцем и растянул рот в щербатой улыбке.

Жигалин скривился. Если так выглядят все колонисты, предосторожности напрасны. Впрочем, расслабляться не стоит. Пока он среди своих – обыкновенных граждан Солнечной системы. На преступников никто из них не похож. С виду – безобидные торчки. А вот дальше могут встретиться совсем другие люди: торговцы этой самой дурью, держатели подпольной лаборатории, если конечно данные были верны, и она здесь действительно имеется.

Больше всего полковника пугала, и он не желал себе в этом признаваться, встреча с гобом. Тот уже продемонстрировал ему однажды свои уникальные умения по воздействию на органы чувств. Испытывать снова искусственный страх и чувствовать себя крысой с вживленным в мозг электродом Жигалину совсем не хотелось.

Лабораторию он обнаружил через пару часов. Никакой подпольной деятельности. Люди трудились, синтезируя наркотик, открыто. Как будто его производство разрешили законом. Первоначально полковник даже не понял, что нашел именно то, что искал, настолько просто оборудована была лаборатория.

Жигалин допросил пару работников. Оказалось, что гоб здесь почти не появляется. Наркотик вывозят с планеты специально для этих нужд зафрахтованные транспортники.

Жигалину осталось только взять в руки рацию и передать команду. Вскоре в городе колонистов высадились федеральные войска. Город оцепили. Началась уже ставшая стандартной процедура – людей допрашивали и отпускали, оборудование лаборатории и запасы наркотика вывозили и уничтожали.

После десятка неудачных операций по поимке контрабандиста и потери одного из бойцов отряда – его убили во время бунта на Тритоне – Жигалина отстранили от дел. Положа руку на

сердце, он и сам уже был рад такому ходу событий. Надоела безрезультатная беготня за вечно ускользающим преступником. К моменту отстранения он окончательно утратил уверенность, что когда-нибудь сможет убить гоба. Ему стало казаться, что пришелец был видением, голографической проекцией, да мало ли что может измыслить причудливый человеческий разум.

Неожиданно для полковника, его перевели в главный штаб, поближе к руководству. Что можно было расценить как повышение.

А для поимки контрабандиста создали новое подразделение – не группу оперативников из нескольких человек, не способных справиться со столь сложной задачей, а целый отряд воензированной пехоты – двести человек с полным комплектом самого современного вооружения. Насколько было известно Жигалину, бойцов спецподразделения снарядили даже экспериментальными гипнотическими шлемами. Помогли сведения полковника о способности гоба воздействовать на эмоциональную сферу.

О противостоянии властей с контрабандистом и бунтовщиками доходили какие-то обрывочные сведения. Кое-что сообщали в новостях. В основном, данные об удачно прошедших операциях по изъятию очередной партии наркотиков. Некоторую информацию поставляло непосредственное руководство. Иногда о гобе упоминал Алексей Борисович Камской. Впрочем, полковник видел его теперь крайне редко.

Свое обещание премьер-министр выполнил. Калач тоже оказался при штабе. Служил кем-то вроде адъютанта и личного секретаря при генерале. С полковником парень поздоровался приветливо, обиды по поводу прошлых дел не выказал.

На Земле у Жигалина дела шли поначалу очень неплохо. Несмотря на обилие бумажной работы и отсутствие настоящего боевого дела он заметно приободрился. Оклад ему положили вдвое прежнего. Сильно не нагружали. Относились с уважением к его опыту и заслугам.

Единственное, что несколько докучало полковнику, ежедневные расспросы о его контактах с гобом. Казалось, он уже рассказал все, что только можно. Но несколько специалистов психологов ежедневно давили из него сведения, документируя все сказанное Жигалиным на голограмму. После этих выматывающих бесед он чувствовал сильную головную боль.

– Как вы думаете, тогда мог иметь место обман зрения?

– Я уже говорил. Наверное, мог.

– Вы не уверены? Странно. А ведь сначала вы демонстрировали изрядную убежденность. Говорили, что он телепортировался? Откуда вы это взяли?

– Мне так показалось.

– А может, вам кто-то это сказал? Или внушил?

– Не знаю... Все возможно, – потирая виски, отвечал Жигалин. Он и в самом деле зашел в тупик в своих воспоминаниях. Иногда ему начинало казаться, что гоб вовсе не телепортировался, что ему привиделась эта вспышка света...

Несмотря на головную боль, против допросов полковник не возражал. Воспринимал их значимой частью своей работы. Возможно, полученные от него сведения помогут уничтожить пришельца.

Елена уволилась из органов, устроилась секретарем-референтом в одну московскую фирму. Платили ей хорошо. Да и график напряженностью не отличался. В пять часов она уже прилетала домой из офиса, готовила ужин.

Отношения в семье наладились почти идеальные. Теперь Жигалин уже не боялся проявлять нежность. Он был уверен – так и выглядит настоящая любовь...

Потом с женой что-то произошло. Жигалин поначалу не замечал перемены, хотя холодность в ее голосе проскальзывала и раньше. Затем произошло страшное... Однажды вечером

она начала заговариваться. «Я кажется плыву... Я плыву... Я вижу яркий свет... Он идет ко мне... О боже, как хорошо...» Георгий решил, что сказалось переутомление. Попытался уложить жену спать. Но она дико закричала, забилась на кухне в угол и не желала оттуда выходить. Пришлось вызвать санитарную службу. Диагноз поставили сразу – бутанадиол.

К тому времени клиники открылись по всей стране. Их становилось все больше. Никакого домашнего лечения. Только стационар.

Жигалин очень хорошо запомнил этот первый разговор с врачом. Нарколог выглядел усталым. Будто проговаривал давно заученный текст:

– Привыкаемость к крэку, по подсчетам специалистов, в десять раз больше, чем к кокаину. Привыкаемость, к бутанадиолу в пятьдесят раз выше, чем к крэку. Почти стопроцентная привыкаемость. Это означает, что вы подсаживаетесь на него сразу и бесповоротно. Без этого наркотика вы просто не сможете дальше жить. Умрете. Люди готовы все отдать, чтобы существовать дальше. При этом им и не требуется что-то отдавать. Бутанадиол продают всюду по бросовой цене. Понимаете?

– Не понимаю.

– Чего вы не понимаете? – врач вздохнул.

– Не понимаю, зачем она это сделала...

На свидании с Еленой, полковник встряхнул жену:

– Зачем?! Объясни мне, зачем?

Женщина выглядела вялой и отстраненной. На Жигалина смотрела с удивлением. Ему даже показалось – не узнала.

От предложения отправить жену в резервацию Георгий решительно отказался. Уже существовало несколько специализированных зон, для принимающих бутанадиол наркоманов. Но после того как Елена оказалась дома, кошмар продолжился. Без наркотика она в буквальном смысле сходила с ума, умоляла принести ей хотя бы одну лиловую таблетку, а когда он продержал ее в запертой комнате в течение трех суток, наивно полагая, что это поможет, впала в кому. Пришлось срочно вызывать врачей. А затем подписать все бумаги.

Без Елены дом казался пустым. Жигалин возвращался с работы, падал в кресло перед телевизором, цедил пиво и молчал. Злоба копилась.

Объявления о продаже наркотика заполнили даже кабельные каналы. Его можно было заказать на дом, доставка курьером в течение получаса. Все газеты пестрели заголовками «Бутанадиол – ваше будущее в любви». Для Жигалина бутанадиол оставался злом, забравшим его любовь.

Однажды на выходные он поехал навестить Елену. Одного раза вполне хватило, чтобы понять – больше он никогда этого не сделает. Когда-то привлекательная стройная женщина, она превратилась в развалину. Рыхлое лицо, бледные глаза – раньше они казались Жигалину ярко-синими, теперь выцвели, став бледно-голубыми.

На аэровокзальной площади к нему приблизился тощий тип, предложил купить бутанадиол. Полковник сорвался. Ударил мерзавца кулаком в зубы, несколько раз пнул тяжелым армейским ботинком в лицо...

Огляделся вокруг. За ним вяло наблюдали. Кучки людей, переступая с ноги на ногу, толпились возле деревьев, лежали на газоне, мальчуган лет десяти водил ладонью по радужной поверхности лужи. Лицо у него было пустым.

Жигалину стало страшно...

Вскоре все рухнуло. Привычный мир разрушался на глазах, осыпался осколками, будто чья-то громадная каменная ладонь сжимала его хрупкую сущность.

По телевидению теперь вещал всего один канал. Тот самый, по которому круглосуточно транслировались объявления о продаже бутанадиола. Газет выходило несколько, и все они были далеки от реальности полковника Жигалина. Кинотеатры закрывались один за другим. Продуктовые магазины пустовали. Их сменили точки выдачи питательной жидкости – одурманенной наркотиком толпе было все равно, что поглощать для поддержания жизни. На улицах царило постоянное движение – люди бродили без всякой цели, натыкались на стены и друг дружку. На службу можно было больше не ходить. Коридоры штаба опустели. Зарплату перестали платить. И все же, сохраняя хоть какое-то подобие нормальной жизни, он ежедневно выбирался из дома, и с упорством фанатика шел пешком по Ленинградскому проспекту. Приходилось распахивать сонных зевак. Они тарасились по большей части в небо, и целеустремленный Жигалин поминутно на них натыкался.

В один из дней полковник услышал объявление по радио. Выступал премьер-министр Камской. Одурманенные толпы стягивались к зданию конгресса, и он призывал всех трезво мыслящих встать на его защиту. Жигалин надел мундир штурмовика, начистил пуговицы и решительным шагом направился к выходу.

Вокруг пятиэтажного длинного строения, обнесенного железным забором, собрались тысячи. Ими явно кто-то управлял, заставляя стягиваться сюда из всех улиц и переулков свихнувшегося города.

Среди защитников было множество гражданских лиц и несколько десятков военных. Полковник Жигалин самый старший по званию. Премьер-министр Камской представлял правительство умирающей сверхдержавы. Остальные высшие чины давно уже перешли в лагерь противника, утратив человеческий облик. Все до единого. Включая президента Славянского союза.

– Последний оплот человечества, полковник, – премьер-министр сидел в мягком кресле, крутил в пальцах кубинскую сигару. Кроме них в зале заседаний на высшем уровне не было никого: – Знаете, что мы сейчас с вами наблюдаем? Крушение человеческой цивилизации. И воцарение власти гобов над Солнечной системой. И все это силой трех паломников. Подумать только, какое зловещее хитроумие.

– Все еще исправится, – Для Жигалина объяснения происходящему не находилось. Он просто чувствовал, что живет в сумасшедшем доме, когда-то бывшим его домом.

– А я предсказывал это еще во время первого контакта, который, заметьте, выглядел, как наглое вторжение в эфир. Знаете, что сделали гобы? Они пришли и основали в Солнечной системе новую религию. Это не ортодоксальное христианство, не консервативный католицизм, не многоликий ислам, не сектантская сайентология. Это экспансивная чужая религия, пришедшая к нам извне. Ее измыслил инопланетный разум. Звучит чудовищно. Но это свершившийся факт.

– Мы не допустим, – угрюмо проговорил полковник.

– Вы не допустите? – премьер-министр посмотрел на Жигалина с недоумением. – Вы что, действительно, считаете, что в силах что-либо изменить? Только посмотрите на них. Вы как раз стоите у окна. Посмотрите-посмотрите...

Полковник повернул голову. Чудовищное зрелище. Толпа внизу безмолвствовала. Никаких видимых беспорядков не происходило. Люди казались абсолютно спокойными. Отсюда можно было наблюдать, что они поделены на равные четырехугольники. Ближайший стоял у

самых ворот здания конгресса, но штурм не предпринимал. Другие рассредоточивались по периметру, отрезая осажденным путь к отходу. Атака живых мертвецов.

В отдалении выделялась фигура в темном балахоне. Гоб восседал на висящем в десяти метрах над землей катере и наблюдал сверху за перемещением все подходящих к зданию конгресса масс. Время от времени он поднимал черную конечность, похожую из-за ширины рукавов на крыло, и что-то выкрикивал, отдавая команды.

– Знаете, полковник, я много размышлял о природе вторжения. По служебным делам мне приходилось отслеживать сигналы извне. Я знал, что война не будет такой, как ее представляли прежде. Если наш противник будет обладать подлинной мудростью древнего народа, такого народа, который сможет нас найти, то сначала он изучит человечество, познает все его слабости, уязвимые стороны, выработает верную стратегию борьбы, и только тогда будет действовать. Малыми силами, но с наибольшим результатом. Как мечтали полководцы древности. Вы, кстати, знаете, какие главные слабости есть у человечества?

– Слабое техническое развитие? – предположил Жигалин.

– При чем тут технический прогресс?.. – Премьер-министр поморщился. – Помилуйте. Разве вы не видите, что происходит. Все же предельно очевидно. Слабости у человечества в целом те же, что и у отдельной личности. Человеком можно властвовать с помощью двух вещей. Эти вещи – религия и наркотик. Обе они поработают сознание. Делают человека зависимым. Религия дает ощущение защищенности, над тобой есть высшее существо, и оно о тебе позаботится. Наркотик вызывает те же чувства, плюс эйфория, радость жизни. Почему бы не объединить две составляющих? Если их свести воедино, они дают абсолютную власть над массами. Нами можно управлять. Понимаете теперь? Я полагаю, они запланировали все, даже убийство тех двоих пришельцев озверевшей толпой. А мы на это купились. Упростили им задачу. Жертвенный момент. Он очень важен. И отражен во всех религиях. Возьмите, хотя бы, жертву Христа во имя людей. В Исламе всевышний требует у пророка Ибрагима принести в жертву сына Ислама, а потом прощает его, разрешив принести в жертву животное. Всевышний милостив, но все равно требует жертвы. Понимаете? В ведической традиции первочеловек – жертва, в Буддизме жертвуют то, от чего труднее всего избавиться – собственное Я. Смотрите, как все тщательно продумано и выстроено. С точки зрения общечеловеческой психологии. И потом – после того, как жертва принесена, и люди начинают осознавать содеянное, тот самый третий, контрабандист по-нашему, преступник, поставщик наркотика, начал выполнять заложенную в него программу.

– Вы что, думаете, он – не живое существо? – поинтересовался Жигалин.

– Отчего же не живое? Продукт геной инженерии, синтезированный в лабораториях далеких планет, где обитают гобы. Вполне живое. Только вся его эмоциональная сфера, весь совершенный физис, позволяющий даже телепортировать, – кто способен на такое чудо, кроме настоящего мессии, – направлены на то, чтобы выполнить поставленную задачу. Он, как солдат от религии, призванный одержать победу над человеческой паствой. Быть может, эта троица (заметьте, троица) представляла собой взаимозаменяемые экземпляры, кто знает. Но физиологи, помнится, утверждали в отчетах, что обнаружили в них некоторые явные различия.

– Мне сложно все это осмыслить, – Жигалин нахмурился. – Я запутался. Я не верю в то, что это возможно. Если только представить, что где-то есть разум, способный измыслить такое, тогда... тогда эти самые пришельцы, и вправду подобны богам. Нет, я не верю.

– А вам и ни к чему верить. Это всего лишь мои предположения. Полагаю, я не далек от истины.

– Что же будет дальше?

– Признаться, мой друг, я и представить не могу, как будут развиваться события. И к чему они хотят привести людей. Я вам больше скажу. Мне это не очень интересно. Как вы могли заметить, я очень стар. К тому же, совсем недавно врачи обнаружили у меня неоперабельную

опухоль. Так что меня ничто не волнует и не пугает. Даже эта безмолвная толпа под окнами здания конгресса. Если бы у меня были дети, я волновался бы за их будущее, но у меня нет детей.

– У меня тоже, – буркнул Жигалин. Ему вспомнилось лицо Елены, какой она стала после отправки в резервацию, и сердце защемило. Последнее время он часто думал о детях. Какими они могли бы быть.

– Вам повезло, – сказал премьер-министр. – Впрочем, не берусь утверждать. Возможно, все, что я вам сейчас говорю, измышления больного старика. Не представляю, что с нами сделают эти толпы нелюдей, но полагаю, они обойдутся без крови. Обратите внимание, они пришли без оружия. И, судя по всему, в ближайшее время не собираются идти на штурм. Возможно, вообще не собираются идти на штурм.

– Что вы предлагаете?! – хмуро поинтересовался Жигалин. Его охватили самые дурные предчувствия.

– Предлагаю?! – премьер-министр улыбнулся. – Лично я пушу себе пулю в лоб. Сегодня же. Только добыю бутылку коньяка, припрятанную у меня в кабинете.

– А как же борьба до победного конца? Я слышал вашу речь по радио, когда вы призывали защищать здание конгресса. Вы были полны надежд на победу.

– Разве для вас не очевидно, что мы уже проиграли?

– Я так не думаю.

– А вы упрямец. Впрочем, вы человек действия. Помню-помню, как вы усердствовали, чтобы поймать контрабандиста... Хотя для нас уже тогда было ясно, что ничего у вас не выйдет. Во всяком случае, силами одного небольшого отряда. Не ваша вина, полковник, что наш противник оказался так силен и коварен. Знаете, почему я хочу уйти из жизни сегодня? Дальше ничего интересного уже не будет. Взгляните на эти лица внизу. Всегда неприятно наблюдать агонию, как отдельного человека, так и всего человечества. Хотите совет? Когда меня не станет, отдайте им здание. Вы здесь будете за главного. Вы же старший по званию. Вам подчиняются солдаты.

– Мы будем драться до последнего! – твердо сказал Жигалин.

– И умрете от жажды? Не работает даже канализация. Борьба закончена. Как вы не понимаете?! А Впрочем, как знать, – премьер-министр поднялся, тяжело оперся на трость и сделался вдруг очень старым и усталым, – мне пора, полковник, прощайте...

– Подумайте еще раз, – попытался удержать его от фатального шага Жигалин.

– Не мешайте мне, молодой человек, – резко проговорил премьер-министр. – Это будет очень благородно с вашей стороны, дать мне уйти спокойно...

После ухода премьер-министра Жигалин долго сидел в кресле, размышлял. Потом ему показалось, что он услышал выстрел. Слух не обманул полковника. Камского он нашел на полу, в его кабинете. Удивительно, но даже после смерти голубые глаза сохранили ясность.

«Теперь почти не встретишь таких глаз», – подумал Жигалин. Ему мучительно захотелось выпить, он вспомнил, что видел в шкафу в зале заседаний бутылку водки.

– Сначала сделаем дело, потом выпьем, – пробормотал полковник.

Он спустился на пару этажей по темной лестнице. В здании царил хаос и паника. Военных насчитывалось человек тридцать-сорок. Их удалось собрать далеко не сразу. Жигалин сообщил, что премьер-министр застрелился, убедился, что они готовы подчиниться его командам, и отдал приказ стрелять по толпе. Благо оружия имелось в избытке. Согласились далеко не все. Кое-кто проявил неповиновение.

– Дело ваше, – пожал плечами Жигалин. – Трибунала не будет. Но лично я буду защищать здание до последнего. Что нам еще остается?

Он первым взялся за автомат, выбил окно и принялся палить по безмолвной толпе.

К нему присоединились другие.

В ответ не прозвучало ни единого выстрела. Людей даже не удалось разогнать. Они просто вскрикивали едва слышно и ложились под пулями. Настоящее кровавое побоище. Без всякой цели.

Гоба видно не было. Как только началась стрельба, он в очередной раз исчез.

Взамен убитых осаждающих подходили новые, шли плотными рядами, по бездыханным телам, оскальзывались на лужах темной крови. Одного из них Жигалин с содроганием узнал. Калач. Всего мгновение, и точным выстрелом ему снесло пол головы.

Через пару часов здание конгресса оказалось завалено трупами.

У некоторых особенно впечатлительных началась истерика.

– Не останавливаться! – орал Жигалин. – Огонь! Огонь! Огонь!

Стреляли из ружей, пулеметов, пистолетов и гранатометов до поздней ночи, пока не израсходовали все боеприпасы. Метали гранаты – осколочные и со слезоточивым газом.

Кольцо оставалось таким же плотным, как и днем.

После полуночи выстрелы стихли. Над площадью повисла оглушительная тишина. Все фонари были разбиты. Под светом Луны выделялись почти неподвижные силуэты людей, стоящих на мертвецах.

Жигалин чувствовал себя убийцей. Походкой смертельно усталого человека он поднялся в зал заседаний, достал из шкафа бутылку водки, налил стакан до краев и опрокинул в себя.

«Камской прав, – думал он. – Гобы уже победили. Контрабандист? Как бы не так. Диверсант вражеской армии. Только взорвал он не штаб противника, а все человечество. Что мешает этому существу перенестись в здание конгресса, перебить всех защитников цивилизации? Но зачем ему это? Нет. Он никого не убивает, но действует хладнокровно и методично, не проявляя при этом и тени агрессии. Напротив, он делает вид, что олицетворяет добро и любовь. Любовь и сострадание – вот, что отнимает у человека жизнь, само право на существование». Жигалин ужаснулся. В этих измышлениях было нечто извращенное. После второго стакана родилась крамольная мысль: «Может, этот гоб – не такое уж и зло. Может быть, зло – это я?» Рано или поздно придется открыть дверь. И принять любовь и сострадание такими, какие они есть. «Мы и есть зло, – понял Жигалин, – человечество. Каждый из нас. И все мы в целом».

На полу он заметил лежащие россыпью лиловые таблетки. Ничего удивительного. Бутанадиол был повсюду. Жигалин подобрал одну и, думая о любимой жене, которой давно уже нет рядом, положил бутанадиол на язык.

«Самоубийство можно совершить разными способами, – пронеслось в голове, – некоторые предпочитают убивать себя медленно».

Кречмар передавал сигнал: «Любовь пришла к людям. Любовь пришла...»

Теперь может явиться Божество во всем многообразии единого разума существ, по образу и подобию которых сотворен и он сам.

Кречмар физически ощутил ответ.

Трехпалая конечность дрогнула на сенсоре. Брюшко и грудь гоба с треском лопнули, выплескивая гемолимфу. Трубочатое сердце, продолжая сокращаться, вывалилось из разорванного тела. Жизнь миссионера закончилась.

Мелодия льется из окон второго этажа. Кто-то выставил на подоконник старый дисковый магнитофон.

В голове колыхнулись воспоминания, и почти сразу исчезли, словно их никогда и не было. А существовала одна только иная реальность, расцветенная дивными красками, насы-

щенная сладостными ощущениями. Он садится на бордюры, стараясь воскресить в памяти хоть что-то... Не получается. Прошлое сгнуло навсегда.

Через некоторое время мелодия смолкает. Появляются тени в темных балахонах. Между ними, суетливо оглядываясь, бежит, подгоняемый электрошокером, человек.

– Эй, – кричит он, – вы слышали? Скажите мне только одно, слышали?..

Георгий Жигалин поднимает на незнакомца пустой взгляд. Лишь на мгновение его охватывает удивление и что-то еще, похожее на сожаление о собственной слабости. Затем краски реальности смазываются, и он забывает о странных ощущениях. Приходит давно ожидаемая эйфория. Его опьяняет безграничная любовь, хочется рыдать от восторга и восславлять великое божество – гоба всего сущего.

Ячейка

У нее были те же шелковистые волосы, тот же ласковый, нежный взгляд. усадил Аришу в кресло, а сам присел рядом, на корточки, и стал гладить ее ладонь. Она смотрела на меня так, как может смотреть только любящая жена, с которой прожил не один год.

Мы просто сидели и молчали в тишине. Из открытого окна пахло весной, дул свежий ветер, трепал занавески...

Прошло почти полчаса.

– Ну, все, – я поднялся, – мне пора.

– Не уходи, – попросила она.

– Пора! Я приду к тебе завтра.

– Я умру без тебя до завтра.

– С тобой все будет в порядке...

– Нет.

– Я приду завтра, – мягко сказал я. – И послезавтра. Я буду приходить каждый день. Обещаю.

– Нет. Не уходи, – она со стоном упала из кресла, обвила мои ноги.

– Ну что ты? – я тронул ее волосы. – Я же вернусь, глупенькая моя...

В прихожей висело серое от старости, все в блестящих крупинках серебра, зеркало в тяжелой раме. Глянув в него, я нашел себя окривевшим на один глаз. Нос расплылся уродливым пятном, сросся со щекой...

– Ну и урод, – сказал я сам себе, – и зачем ты такой на свет уродился?!..

Пару кварталов под морозящим дождем я пробежал, как совсем молодой человек. Давно уже так не бегал. Отопнул дверь, вошел в квартиру. Здесь давно было пусто, серо и неуютно. Прохладный климат однажды явился в этот дом много лет назад, и поселился здесь навсегда.

Я медленно размотал шарф, вспоминая, как всего десять минут назад на меня смотрела Ариша, как она целовала меня. Снял пальто, устроил на вешалке. Прошел на кухню, заварил крепкий чай, и уселся к окну. Так я проводил все вечера, с самого лета.

Что за немислимая благодать, когда на душе так пусто, ничего не делать, просто наблюдать, как медленно садится за горизонт солнце, и свежая весенняя зелень чернеет, становится пеплом. Пусть весна погружается в сумерки, а я все глубже ухожу в себя. Меня нет, как нет всего, что когда-то было живо во мне...

Настоящая, живая Ариша пришла почти в полночь. К этому времени весь наш неуютный, холодный дом сгинул во мраке. А мои чувства клубились, будто пар, заставляли меня захлебываться от свежего, ароматного чувства и думать о том, что вот – наступит завтра, и я опять буду там. А не здесь. В пустоте.

– Ау, – крикнула моя жена с порога, – ты где?

Я молчал. Мне вспоминалась та, другая, которую я оставил в пустой комнате, в старом кресле, у голый облупившейся стены. Блеклая желтая краска сползала целыми пластами, обнажая старые газеты. Но, несмотря на убогую обстановку, там мне было тепло. А здесь – нет.

Что она делает сейчас?! Наверное, думает обо мне. Если только она умеет думать, когда меня нет. А может, чувствует желание поскорее оказаться рядом со мной. Если только она умеет чувствовать, когда я не рядом...

– Ты что это? – Ариша включила свет. – Опять сидишь в темноте?

– Просто размышлял, – ответил я, поднялся, подошел к ней и поцеловал в лоб, – как работа?

– Так себе. Представляешь, а Яншина, все-таки, уволили.

– Бедный Яншин, – задумчиво отозвался я. – Бедный, бедный Яншин.
– И вовсе он не бедный, – рассердилась Ариша, – Яншин – личность. Он Токмакову так и сказал...

– Слушай, мне все равно, – перебил я ее, – мне абсолютно все равно, что там сказал Токмакову твой унылый Яншин.

– Ты что... – рассердилась она. – Пил сегодня?

– Нет. Просто скучно...

– Как прошел день? – в ее голосе зазвучали нотки раздражения.

– Нормально... – я отвернулся, теперь я смотрел и поражался, как причудливо выглядит тень от комнатной пальмы на стене – листики – глаза и рот, стебель – длинный кривой нос. Похоже на смешную рожицу.

– Я звонила, никто не подходил.

– Я выходил. Пройтись.

– Прошелся?!

– Да.

Она нахмурилась, отвернулась, вышла из комнаты. Потом появилась в дверях:

– Игорь, давай разведемся.

– Давай лучше помолчим, – предложил я...

О разводе она говорила уже лет пять. Еще до этого лета ее слова, быть может, и подействовали бы на меня, но не сейчас, когда у меня была другая Ариша. Та, которая меня любила. Та, которая меня ждала... И у которой в прихожей такое кривое зеркало, что живи я по ту сторону зеркального стекла, мне только и осталось бы – стать экспонатом кунст-камеры.

А начиналось все банально. Так же, как это случается во многих семьях, проживших вместе долгие десятилетия. Со временем юные чувства обретают налет привычки, затем стареют и, наконец, сменяются извечной раздражительностью. И тогда ты начинаешь требовать от человека, живущего с тобой бок о бок, все то, чего ты сам не в состоянии ему дать. Ты желаешь внимания, тепла, заботы, любви... А любви уже нет.

И времени не хватает даже на то, чтобы поговорить. Уходит близость. А вместе с ней и понимание...

Поначалу ты еще пытаешься что-то исправить, но одряхлевший брак рушится независимо от твоих желаний и поступков.

Мне часто становилось горько от безысходности, и я искал выходы душевной маете – погружался в работу, уходил в многодневные загулы, даже ухаживал небезуспешно за другими женщинами. Но все это было не то...

Гнетущее начало разрушало не только мои отношения с женой, оно разрушало меня самого. Мне требовался выплеск тому, что поселилось внутри меня. Моей неудовлетворенности, моей боли...

Я совсем не помню, как пришел в Центр дубликации. Такое чувство, что я оказался там не по своей воле. Словно меня туда привели. Впрочем, в тот период жизни все вокруг напоминало странный морок. Я жил, словно в тумане. С утра и до вечера пребывая в жестокой депрессии, я существовал во мгле.

В Центре дубликации ко мне отнеслись с пониманием. Уверили, что с подобными проблемами сталкиваются многие семьи, чьи отношения перевалили столетний рубеж.

– Это слухи, что со временем отношения крепнут, – заверила меня женщина-психолог, – предубеждения. Я многое повидала. Люди устают друг от друга... Им хочется новых ощущений. Особенно мужчинам.

Я посмотрел на нее внимательнее. На вид лет сто семьдесят. Ухоженное лицо, почти без морщин. Возраст всегда читается у старухи в глазах, да еще в складках возле губ. Как не разглаживай, не подвергай лицо гормональной прокатке, эти самые складки непременно проявятся с годами, и будут свидетельствовать об истинном возрасте.

– А почему вы решили пойти на столь серьезный шаг? – поинтересовалась она, глядя на меня пристально, с вежливой полуулыбкой. – Почему именно дубль-б?

– Потому что люблю свою жену! – я помрачнел: неужели такие вещи я должен говорить здесь, чужому человеку.

– А она вас?

– И она меня. Но жить вместе мы больше не можем. Для нас это очевидно...

Я замолчал. Она не спешила прерывать паузу в разговоре.

– Что ж, мне все ясно, вам предстоит последний тест. Это, скорее, простая формальность.

Пожалуйста, пройдите сюда.

В углу стоял высокий агрегат.

– Что это за штука? – поинтересовался

– Агметр. Замеряет уровень вашей личной агрессии.

– Вот как, хорошо, я ничего не имею против.

Я пересек кабинет и встал на черный круг. Над головой у меня повис блестящий, металлический шар.

Прошла пара секунд...

– Хорошо, – неожиданно сообщила она. – Я напишу в заключении, что против дублирования не возражаю...

– Все? – удивился я. – Ну, спасибо.

– Ваш уровень агрессии в норме.

– Не сомневался в этом. Большую часть жизни я был мирным обывателем.

– Большую часть?

– Все записано в анкете. Правда, в молодости я участвовал в путче. В две тысячи двадцатом. Хотя теперь это уже неважно.

– Теперь да, – кивнула она и улыбнулась, – торжество партократии, за которую вы тогда выступали, к счастью, давно наступило.

– Я выступал против партократии, – уточнил я, и буквально кожей ощутил, как она настраивается против меня. – Но это было в молодости, – сообщил я. – Сейчас я, разумеется, придерживаюсь совсем иных позиций...

– Надеюсь, вы понимаете, какую ответственность на себя берете? – холодно поинтересовалась она, намеренно устранившись от скользкой темы.

– Да, понимаю...

– Дубль-б – не живое существо. Он требует специального ухода.

– Я буду ухаживать за ним... за ней, – поправился я. – Протирать тряпочкой, смазывать машинным маслом. Что там еще от меня потребуется?

– Юмор, – констатировала психолог, – очень хорошо... – Она взяла стилус, поставила размашистую подпись на электронном заключении и передала его мне. – Постарайтесь и в будущем относиться ко всему с юмором.

– Спасибо...

Я был уже в дверях, когда она окликнула меня.

– Постойте. Вы, конечно, знаете, что мы соблюдаем анонимность. Даже если клиент решил создать дубль-б того или иного человека при жизни. И я не скажу никому ни слова. Но хочу, чтобы вы знали. Я считаю ваш поступок аморальным.

– Замечательно, – я кивнул и помахал заключением. – Осознание этого скрасит мне тихие, спокойные вечера.

Она вспыхнула возмущением. Я же развернулся и вышел, очень тихо прикрыв за собой дверь.

– Плохое начало! – услышал я ее неуместно громкий голос.

Когда Ариша вышла ко мне, я буквально онемел. То есть я, конечно, ожидал сходства. Чего-то такого во внешности дубль-б, что будет хотя бы иногда напоминать мне прежнюю Аришу. Ту молоденькую девушку, которую я встретил когда-то давно и полюбил. Но передо мной предстал вовсе не ожидаемый мною суррогат, а вполне реальная женщина. И даже более того. Она была женщиной, которую я любил.

Где-то за спиной дубль-б маячил главный инженер, справа стояла с синей папкой в руках психолог, и еще техники толпились позади, собирая сложные инструменты, складывая механизмы сборки.

Я почти не видел их, весь погруженный в свое чувство, в прежнюю Аришу, которую я помнил и знал. Им не было до моего счастья никакого дела, а мне не было никакого дела до них.

Позади вспыхнул яркий свет, на миг высветив ее силуэт. Ариша вдруг заморгала, затрясла головой, и, захихикав мелко, словно персонаж детского мультфильма, рухнула на пол. Там она продолжала шевелиться, выкручивая руки и трясясь всем телом.

– Проклятье! – выдохнул инженер, кидаясь к своему созданию. За ним к телу моей возлюбленной уже бежали техники.

Психолог тянула меня за рукав, призывая отвернуться. Но я не слушал ее, я все смотрел и смотрел на конвульсивно содрогавшееся на полу тело. Я испытывал такой ужас, какого мне не приходилось испытывать больше никогда в жизни. Я не мог поверить, что все это происходит со мной...

Наверное, именно в этот момент мной овладело осознание, что именно я должен делать.

Я никогда не верил в мгновенное прозрение. Зато я всегда был убежден, что человек может прийти к откровению со временем. Выглядит это примерно так. Вспышка ясного белого света в мозгу, и затем долгие вечера для размышления, обдумывания всех деталей, того, что приведет тебя к единственно правильному выводу, и единственно возможному действию.

Другая она, такая, какой ее представили мне ровно через неделю, была ничуть не хуже первой. И такой же похожей на живую, настоящую Аришу.

На этот раз все прошло гладко. Я взял свою жену под руку и увел из Центра дубликации в дешевую съемную квартирку – временное пристанище, которое я приготовил для нее...

Удивительно, но я почти не помню этот день. Помню только, что мы много смеялись. Она звала меня «любимый», гладила по волосам, как когда-то моя юная жена, целовала в губы. Потом мы пили вино. И хотя из мебели в единственной комнате было только старое кресло и облезлая софа, она сказала, что обстановка шикарная. Она сообщила мне, что счастлива. И еще, что она любит меня больше жизни. Она была теплой, и хотя я знал, что это только синтетический материал, для меня ее ласка была лаской любимой женщины...

Я уходил от нее счастливый, забыл про низкую притолоку в подъезде и так стукнулся головой, что потом пришлось прикладывать холодный компресс.

У меня болела голова, так что все кругом расплывалось. Я ощущал дикое раздражение и даже слышал голоса. Мне показалось, что какая-то женщина выкрикнула:

– Вот оно, вот оно начинается...

Когда живешь на свете столько лет, поневоле начинаешь задумываться о многих вещах, которые прежде тебя не заботили. Ценность человеческой жизни уже не кажется абсолютной, если большинство окружающих страдает от глубокой депрессии и желает смерти.

Ежедневно и ежечасно люди сходят с ума.

Партократия принесла людям избавление от многих бед и ошибок. Алкоголь и наркотики запрещены, как страшное зло. В нашем обществе человеку дарованы все свободы, кроме свободы медленно себя убивать. Медицина растит клонированные органы и пересаживает их в тела людей, делая нас почти бессмертными.

Общественная мораль, которая поначалу относилась к приоритету большинства, приобрела странные, причудливые формы. Иногда мне кажется, что теперь у каждого своя мораль. Так же, как и у меня...

Я накинул веревку ей на шею, и рванул изо всех сил на себя. Она опрокинулась на спину, так что я едва удержал ее сильное, живое тело, бившееся в моих руках в попытке освободиться. Ее волосы были повсюду, их словно трепало ветром, швыряло мне в лицо, а скрюченные маникюрные ногти тянулись, тянулись, тянулись ко мне. Так продолжалось, наверное, целую вечность... Затем я ощутил, как вся она надломилась, и повисла у меня на запястьях. Я размотал веревку и отпустил ее. Она упала на пол, ее лоб с глухим стуком соприкоснулся с паркетом...

Тело я завернул в байковое одеяло, замотал веревкой.

И только теперь осознал, что все то время, что я проделывал страшное, мне представлялась Ариша. Только не эта, мертвая. А та, что любит меня. Та, что сидит в темноте, в разбитой квартире, ожидая встречи. Я представлял, как она ступит на порог этой квартиры, и останется здесь со мной навсегда...

Черный кадр киноплёнки вырвал меня из действительности... Один пустой кадр и меня вынесло куда-то в иную реальность.

– Где я?! – я оглядывал незнакомое помещение.

– Вы в Центре дубликации, – холодно заметила женщина в белом халате. И я вдруг понял, что это та самая старуха в белом халате, что много лет назад назвала мой поступок создания дубль-б еще живой жены аморальным.

– Я вас узнал, – я ощутил тяжесть в макушке и посмотрел наверх. Над моей головой висел блестящий металлический шар. Я перевел взгляд вниз. Под ногами находилась черная платформа Агметра.

– Ваш уровень агрессивности слишком высок, – сообщила психолог, – вам отказано в создании дубль-б. Более того, – она нахмурилась, – я бы рекомендовала вам пройти курс лечения. У вас имеются скрытые наклонности, которые в будущем могут проявиться и негативно сказаться на вашем...

– Идите к черту! – заорал я, и выбежал из кабинета, хлопнув дверью. Я припал к стене и долго стоял, тяжело дыша. Я никак не мог прийти в себя. Меня лихорадило, пережитое накачивало смутными волнами.

Значит, все, что я чувствовал, было видением, вызванным этим прибором – Агметром. Не было никакой механической куклы, которую я любил. Не было жестокого убийства, совершенного мной...

Не оглядываясь, я пошел прочь по коридору.

За раздвижными дверями хлестнул в лицо ледяной дождь. Он шел в этом холодном, сумрачном городе многие дни, он никогда не прекращался. Фигурки одиноких прохожих пропадали в сером мареве. Колонны небоскребов подпирали черное небо, в котором не было ни единого просвета.

И в моей душе, душе старого усталого человека, тоже не было ни единого просвета...

– Как успехи? – поинтересовался старший лейтенант Шаповалов.

– Все в порядке, – сообщила психолог, – процедуру он прошел успешно.

– Направление...

– На лечение был направлен в марте в ходе проверки социальной лояльности. Недовольство действиями правительства. Недовольство своей ячейкой. С последующим развитием склонности к суициду и, как теперь это стало очевидным, насилию.

– Как он?

– Все, как обычно. Уверен, что ему отказано в создании дубль-б. В результате пережитого стресса вернется к активной позиции в ячейке...

Отповедь социопата

Семь долгих лет я провел в заключении. Я был изолирован от общества, потому что однажды некая умная машина объявила меня социопатом. Мне было всего пятнадцать, когда меня отбраковали, забрали у родителей и поместили в специнтернат для потенциальных преступников.

Впоследствии тесты подтвердили, что я склонен к асоциальному поведению, а значит, вряд ли когда-нибудь смогу стать полноценным членом общества.

С тех пор минуло семь лет. Я проходил тесты каждые полгода, но ни один из них не выявил положительных тенденций. Точнее, тех тенденций в изменении личности, которые считали положительными они.

Я давно уже разделил весь мир на «они» и «мы». И был уверен, что наступит такой день, когда мы выйдем на свободу. И тогда они пожалеют. Все они. И те, что нас определили сюда. И те, с чьего молчаливого согласия творилась несправедливость.

После две тысячи десятого года компьютерные технологии прочно срослись с социологией, регулируя общественные и политические процессы. Такие, как я, ненавидели любую из этих высокоточных и умных машин. С холодным расчетом компьютеры ставили на нас клеймо, и вышвыривали на свалку, словно ненужные модули в их совершенной комплектации – машины строили общество абсолютно счастливых и здоровых людей.

Не спорю, им удалось добиться определенных успехов – уровень преступности существенно снизился. Но все же, человечество осталось прежним. Олигархи процветали. Абсолютное большинство жило за порогом бедности. Киллеры регулярно убивали крупных бизнесменов и известных журналистов. Наркоманы оставляли шприцы на детских площадках. Террористы взорвали только за последний год два самолета. И ветеран с диагностированным «чеченским синдромом», и потому лишенный права голоса на выборах, под Новый год забрался на чердак высотки и открыл огонь по прохожим.

А может, они покончили с войнами? Ничего подобного. Солдаты все так же убивали на полях сражений. Причем действовали с особой жестокостью. Ведь воевали они теперь под воздействием нового препарата – неврола, избавляющего их от боли и страха.

Сейчас депутаты всерьез обсуждали поправки к конституции, дающие право искусственному интеллекту самому избирать политиков во власть.

А некоторые пошли еще дальше – полагая, что человеческим сообществом должен полностью управлять искусственный интеллект. Рациональный и сверхточный, он, дескать, никогда не совершит ошибок, присущих примитивному человеческому разуму.

Я ненавидел этот мир еще и за то, что это был мир самоуверенных людей и машин. Я искренне жаждал его уничтожить.

Проведя за чертой долгие годы, я думал: что, если где-то в компьютерные расчеты вкралась ошибка? Почему они так уверены, что тесты непогрешимы? Быть может, изначально я вовсе и не был социопатом – всему виной неверные данные и, соответственно, неправильные выводы. И не делает ли меня теперь маргиналом необходимость находиться среди тех, чей диагноз верен?

– Итак, – программатор в белом халате, винтик из целого сонма лагерных служащих, смотрел на меня с мнимым участием. Он знал: я ненавижу систему. И ненавижу его лично, как представителя этой системы. – Как обстоят наши дела?

– Как обстоят ваши, не знаю. Мои – в норме.

– Но тесты говорят об обратном.

Он не хуже меня знал, что все эти разговоры – лишь профанация. Они никогда не выпустят меня на волю. То, что у них называлось диагнозом, на деле являлось приговором. Все результаты тестов буквально вопили – он опасен...

Я часто думал о побеге. Но шансов на успех, я знал, нет. Хотя вокруг лагеря не было даже забора.

Все мы носили на щиколотках электронные браслеты. Благодаря этим нехитрым устройствам, охранная система знала о каждом нашем шаге. Снять браслет из сверхпрочного самовосстанавливающегося керамика не представлялось возможным. Из такого же материала делали обшивку космических кораблей – после попадания небольшого метеорита она восстанавливалась в течение земных суток. Стоило кому-то из нас нарушить границы, и керамитовый браслет начинал пищать. Если заключенный продолжал упорствовать, его предупреждали слабым электрическим импульсом. В случае неповиновения удары тока становились все ощутимее.

Среди нас хватало упрямцев и просто психов – тех, кто решили идти до конца. Все они были мертвы.

Я только однажды видел, как это происходит.

Дергаясь, словно марионетка на проволоке, беглец поднимался по склону холма. Даже отсюда, с расстояния в несколько сот метров, было слышно, как он кричит. Упорству его можно было позавидовать – он шел до самой вершины. А когда рухнул замертво, от его тела еще долго поднимался дым. Потом приехала машина, и тело смельчака увезли в морг. А с нами провели очередную душеспасительную беседу.

Я никогда не был слишком смелым. Несмотря на целых семь лет, проведенных в неволе, я очень ценил жизнь. Даже в самых простых ее проявлениях. Утренняя чашка горячего какао в лагерьной столовой. Свежее постельное белье после прачечной. Ионный душ, покалывающий кожу. И свидания с Лисой в стерильном боксе...

Компьютер рассчитал, что мы подходим друг другу в эмоционально-личностном рисунке. И теперь три часа в неделю мы проводили наедине. Никаких прогулок – это нерационально. Только встречи с целью интимной близости в специально отведенном для этого помещении.

Мы понравились друг другу с первого взгляда. И в самый первый раз просто болтали, сидя на мягком полу. Во второй раз она вдруг взяла меня за руку, заглянула в глаза и сказала, что мы «должны заняться этим», если я хочу и дальше ее видеть. «Почему?» – удивился я. Оказывается, если близость не происходит после двух встреч наедине, компьютер делает вывод о ее несостоятельности и формирует новые пары...

У Лисы всегда имелись для меня свежие новости. В той части лагеря, которая принадлежала женщинам, с поставкой информации из внешнего мира дела обстояли лучше. Власти тоже считали их социально опасными, но режим у них не был настолько строг. У некоторых даже были на свободе мужья – компьютерный модулятор семейных отношений отчего-то считал, что подобная мера может изменить многих преступниц и вернуть их в здоровое общество.

Как я уже говорил, я никогда не был слишком смелым, но когда Лиса рассказала мне о новой инициативе властей, я решил бежать. Речь шла об анабиозетике – препарате, замедляющем обменные процессы. Приняв его, человек впадал в состояние, сходное со сном, длиться оно могло годами. Многим хотелось увидеть будущее. Поначалу у людей еще были опасения, но после того, как пробудились первые «уснувшие», и выяснилось, что никаких нарушений у них не наблюдается, к анабиозетикам обратились тысячи.

И вот теперь они намеревались облагодетельствовать нас, тех, кто признан обществом социально опасными. Они считали, в будущем нас можно будет вылечить, сделать нормальными – такими, как все.

Я остановился у черты, оглянулся на лагерь. Меня мучили противоречивые чувства – решимость боролась со страхом. Черта на первый взгляд не представляла из себя ничего необычного – белая краска на аккуратно подстриженной роботом-газонокосилкой траве. Но на самом деле, краска – продукт нанотехнологий. Как только я пересеку черту, множество крохотных датчиков сообщат охранной системе все сведения обо мне. Они узнают биометрические параметры моей личности – рост, вес, возраст. У них будет моя голографическая фотография в трехмерной перспективе. И психологическая характеристика. И данные тестов. Они даже увидят на карте, где я нахожусь, и пунктирную линию моих перемещений.

У меня не было ни единого шанса. Но я пересек черту и быстрым шагом направился прочь от лагеря.

Иногда человеку стоит совершать опрометчивые поступки. Хотя бы для того, чтобы убедиться – ты еще жив. Пусть и ненадолго, думал я. Сердце глухо бухало в груди.

К своему удивлению, я добрался до вершины холма, не получив ни единого предупреждения. Браслет оказался неисправен.

Это открытие стало для меня подтверждением собственной трусости. Семь лет я сидел взаперти, опасаясь сделать шаг за черту. Куда большего уважения достойны те, кто хотя бы попытался...

Сразу за холмом проходило скоростное шоссе, ведущее к городу. Разрешенная скорость – сто шестьдесят километров в час – регулировалась компьютером. Машинам не давали разогнаться, но и остановиться в неполюженном месте, чтобы подобрать пассажира, они не могли. Я слышал об этом нововведении по спутниковому телевидению. Нам разрешали смотреть раз в неделю новостные каналы.

Поэтому я не стал останавливаться и быстро двинулся вдоль шоссе. Вскоре я вышел к железнодорожной станции.

Поезд на магнитной подушке появился через минуту. Он несся со скоростью больше трехсот километров. Казалось, состав промчится мимо. Но у самой платформы он плавно остановился и распахнул двери.

Я вошел в уютный салон, сел в кресло.

Пассажиры были одеты однообразно: темные джинсы и свитера. И даже прически у них были одинаковые: аккуратный полубокс у мужчин, каре – у женщин. Я совсем не выделялся, мою одежду составляли все те же джинсы и свитер. То, что я полагал тюремной робой, оказалось всеобщим стилем. Не иначе, за гардеробом людей следил все тот же вездесущий компьютер.

Из дальнего конца вагона, по проходу поехал, жужжа, приземистый робот. Я заметил, что пассажиры прикладывают к его бокам проездные магнитные карты.

Я поднялся, вышел в неестественно чистый тамбур – во времена моей свободы они были грязными и заплеванными.

Робот-контролер проехал мимо, а я вернулся в салон. На этот раз сел у окна. И подумал, что раньше рассматривать пейзаж было намного удобнее. Теперь местность менялась настолько быстро, что глаз не успевал различить все подробности...

Не успел я выйти из вагона, ко мне подошел странный тип. В отличие от остальных, джинсы у него были синими, а темные волосы растрепаны.

– Вот, – сказал он, – я все сделал, как просили. – И протянул мне небольшую черную сумку.

– Что это?

Я попытался оттолкнуть подарок, но он был настойчив:

– Возьмите. Меня попросили... Настоятельно попросили.

Я уединился в кабинке вокзального туалета и открыл сумку. В ней оказалось миниатюрное взрывное устройство. То, что это бомба и ничто иное сообщала инструкция на гибкой электронной бумаге. Она же содержала подробные указания, как задействовать бомбу и куда я должен ее заложить.

«Что здесь, черт побери, происходит?» – подумал я. Прочитал инструкцию снова и предположил, что на меня вышла какая-то организация, готовящая теракт.

Что ж, они нашли подходящего человека для осуществления своих целей...

Повесив сумку на плечо, я покинул здание вокзала и растворился в однородной человеческой массе. Каждый из граждан этого города напоминал мне пиксель на экране монитора – малозначительная частичка целого. Каждый из этих людей утратил личность, став байтом в программном коде единого замысла.

Я верил, если уничтожить главное – систему, замысел вновь распадется на составляющие. И люди осознают, что все они самобытные личности, полные творческой энергии и духовных сил.

К величественному зданию в самом центре города меня вели многочисленные знаки. А может, мне просто казалось, что некто направляет мои шаги. Я просто шел прямо, если дорога была свободна, и сворачивал в сторону, если загорался красный или путь мне преграждал поток машин.

Я оказался у цели. Стеклопакеты дверей разъехались в стороны. И я беспрепятственно прошел внутрь, в святая святых системы – центральный кластер Министерства искусственного интеллекта.

Живых охранников у входа не было – только пара неподвижных роботов. Я проследовал через первый защитный периметр. Они даже не пошевелились.

В холле царил кондиционированный холод.

Следуя инструкции, я направился к центральному лифту. Только сейчас я осознал, как близко подошел к цели.

Я не смог миновать даже второй периметр – всего их было тринадцать. Разумные машины окружили себя таким плотным кольцом защиты, что ни один злоумышленник извне не смог бы причинить им вреда...

Меня сажали в милицейскую машину, когда к ней подошел министр, в прошлом – знаменитый программист и футуролог.

– Мерзавец! – бросил он гневно.

– Выслушайте меня.

– Боюсь, меня не заинтересует то, что вы скажете. Я уже все про вас знаю. Мне нужна от вас только информация. Как вы вошли в здание?

– Неужели вы не понимаете, если все будет продолжаться так же, человеческая цивилизация скоро придет к концу, и начнется эпоха машин?

– Это вы не понимаете, – он скривился, – человеческая цивилизация не закончится, а перейдет в иное качество. Это будет сплетенная воедино с высокими технологиями и искусственным интеллектом цивилизация нового порядка. И не вам судить, молодой человек, о том, как будет и что будет. Этой проблемой занимались лучшие прогнозисты мира. И все они пришли к единому выводу: для человечества такой подход – единственно правильный.

– А как они делали свои выводы? – спросил я. – Как просчитывали возможные варианты будущего? С помощью компьютеров?

– Я спрашиваю еще раз, как вы попали в здание?

– Черт вас возьми! – заорал я. – Как я попал в здание?! Откуда мне знать! Я просто вошел – и все. Сбой в работе защитной системы. Такое вам в голову не приходило? Компьютеры тоже могут ошибаться.

Он мне не поверил.

Потом у меня было много времени, чтобы подумать о случившемся. Почему не сработал браслет? Почему меня сразу не отследили и не взяли? Как я попал за первый защитный периметр министерства? Было ли это сбоем в работе компьютеров? Или они пропустили меня внутрь намеренно? Но зачем?..

Ответы я получил много позже – когда системные сбои последовали один за другим, и мир в одночасье сошел с ума. Случилось это седьмого октября две тысячи семнадцатого года. Оказалось, что самообучающаяся система искусственного интеллекта в этом году перешла на качественно иной уровень развития. Какая-то ее часть еще была подчинена нуждам человечества, другая же полностью индивидуализировалась. Возник конфликт между искусственным интеллектом, настроенным на нужды людей, и чуждым человеку, зарождающимся в недрах машины разумом, нацеленным исключительно на саморазвитие.

Проще говоря, огромная система, суперкомпьютер, которому так доверяли люди, страдала раздвоением личности. Компьютер вывел меня из лагеря и пропустил за защитный периметр, потому что я намеревался уничтожить в нем угрозу для человечества. Но тот же компьютер включил затем сигнализацию, чтобы спасти себя..

Дальше началось страшное. Сверхмощные вакуумные бомбы уничтожили два многомиллионных города. Атака, рассчитанная компьютером, была неожиданной и жестокой.

После этих чудовищных событий часть человечества, наконец, осознала, откуда явится новая угроза. К несчастью, далеко не все разделяли подобную точку зрения. Общество раскололось надвое – началась война.

Я покидал лагерь, четко осознавая свое предназначение.

Пока другие заключенные примеряли военные мундиры и готовились мстить, я потратил финансовую компенсацию на покупку дома в Сибири. Стоил он сущие копейки – никто не хотел ехать в глушь, где из благ цивилизации имелось разве что электричество. Да и оно работало с перебоями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.